

*Смирнов С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси?:
(Историческая справка к полемике о монашестве) // Богословский
вестник 1903. Т. 1. № 4. С. 716—788 (3-я пагин.). (Окончание.)*

КАКЪ СЛУЖИЛИ МИРУ ПОДВИЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ?

(Историческая справка къ полемикѣ о монашествѣ)¹⁾.

*Буди ревнителъ право живущимъ и сихъ
житіе и днѧніе пиши на сердци своеи.
Изъ житія преп. Сергія.*

IV.

Сужденія г. Круглова о службѣ монашества миру.—Въ общемъ они опровергиваются исторіей.—Воззрѣнія на монашество архимандрита Никона.—Разборъ ихъ: постановка вопроса и рѣшеніе его съ принципіальной точки зрѣнія—изъ понятія о спасеніи.—Двѣ заповѣди о любви.—Кто ближній монаха?—Оценка возврѣній арх. Никона съ исторической точки зрѣнія.—Взглядъ его на монашескую благотворительность—односторонній и ошибочный.—Ницелюбіе древней Руси.—Христосъ въ образѣ нищаго.—Благотворительность, какъ обязанность общежительного и стяжательного монастыря.—Основанія этого: примѣръ древнихъ отцовъ монашества.—Связь благотворительности съ общежитіемъ.—Благотворительность, какъ показатель твердости монастырскаго устава и высоты монашеской жизни.—Благотворительность, какъ самостоятельная задача православного монастыря (примѣръ Иосифа Волоколамскаго).—Неудачное примѣненіе термина „подѣлъ“.—„Лукавый планъ адскаго хитреца“.—Идеалъ подвижника въ древней Руси и въ статьяхъ арх. Никона. — Въ защиту термина „альtruизмъ“.

Теперь обращаемся къ самой полемикѣ, вызвавшей нашу справку, и возьмемъ только двухъ первыхъ и типичныхъ представителей спорящихъ сторонъ: г. Круглова и архимандрита Никона.

Г. Кругловъ призываетъ наше современное монашество на службу миру, но на такую службу, которая „не противоречитъ прямой задачѣ“, которая „не исключается молитвенныиъ

¹⁾ Окончаніе. См. Мартъ, стр. 516—580.

подвигомъ», составляющимъ прямую задачу монашества¹⁾. Эту службу онъ видѣтъ: а) въ самомъ дѣятельномъ участіи иноковъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, б) въ благотворительности нашему голодающему народу, с) въ духовномъ просвѣщеніи его посредствомъ школъ. Осуществленіе первой формы иноческой службы міру г. Кругловъ указываетъ на примѣръ великой княгини Александры Петровны—инокини Анастасіи, основательницы Покровской Общины въ Кіевѣ. Къ участію въ духовномъ просвѣщеніи наше монашество призывалъ голосъ извѣстнаго народолюбца С. А. Рачинскаго. Примѣровъ благотворительной дѣятельности современныхъ монастырей авторъ не указываетъ, напротивъ заявляетъ: „во время эпидемій и голода монастыри не проявили большой активной дѣятельности“. Перечисленные формы служенія міру особенно посредствомъ больницъ и школъ авторъ называетъ „новымъ дѣломъ“, которое въ сущности старое, монастырямъ давно извѣстное, но какбы оставленное и забытое“, „новостарымъ путемъ“, къ которому настойчиво призываѣтъ ихъ жизнь.

Примѣненіе указанныхъ задачъ служенія міру по миѣнію г. Круглова должно произвести въ нашемъ современномъ монашествѣ, говоря ученымъ слогомъ, нѣкоторую дифференціацію. Меньшинство, тѣ рѣдкіе люди, которымъ доступны высшія ступени созерцательной жизни, должны быть освобождены отъ этого служенія, „хотя уходъ за больными, прибавляетъ авторъ, не мѣшалъ спасенію древнихъ подвіжниковъ“,—должны быть освобождены по крайней мѣрѣ во избѣженіе упрековъ. „Но другое, большинство, найдутъ въ новомъ служеніи полное удовлетвореніе и этимъ избавятъ себя отъ нежелательныхъ, невольныхъ уклоненій въ отрицательную сторону“. Описавъ нравственно - воспитательное вліяніе на самихъ иноковъ и все величие подвига ухода за больными, авторъ заключаетъ: „здѣсь служеніе міру—поистинѣ служеніе Богу“. Мы не знаемъ, о чёмъ говорить авторъ: если о насильственномъ, административномъ раздѣ-

¹⁾ Статья или замѣтка г. Круглова „На службѣ міру—на службѣ Богу“, содержаніе которой мы передаемъ, такъ мала, что считаемъ совершенно лишнимъ указывать страницы ея. Она напечатана въ *Душеполезномъ Чтении* 1902, октябрь (186—193 стр.).

леніи иноковъ на два разряда, то это ошибка и большая; если же о свободномъ разграничениі ихъ на созерцателей и такъ сказать практиковъ, дѣятелей, то онъ правъ, потому что христіанско монашество всегда дѣлилось такимъ образомъ.

„Напрасно думаютъ, что такая служба противорѣчитъ уставу“... Историческія данныя успокаиваютъ автора на этотъ счетъ. Древніе русскіе монастыри служили миру, помогали родинѣ и противъ вѣнчанихъ враговъ. Теперь враги у народа: голодъ, эпидеміи, невѣжество или образованіе безъ вѣры. Монастыри не могутъ остаться глухи къ этому голосу жизни. Авторъ предвидитъ возраженіе, что школа и больница помѣщаются прямому дѣлу спасенія, но онъ убѣжденъ, что эти послушанія совершенно совмѣстны съ иночествомъ, гораздо болѣе совмѣстны, чѣмъ сидѣніе въ монастырской лавкѣ или завѣдываніе монастырскими гостинницами. Повторивъ о заслугахъ русскому миру со стороны Рачинскаго и великой княгини-инокини, авторъ пишетъ: „*отвергать ихъ, оставаться глухимъ на призывъ можно только при невѣрномъ взглядѣ на отношенія къ миру иночества и обратно.*“

Наша справка во многомъ оправдываетъ приведенные сужденія г. Круглова. Подвижники древней Руси не считали служеніе миру дѣломъ, противорѣчащимъ прямой задачѣ монашества. Въ большинствѣ они не думали, что молитвенный подвигъ — прямая задача и главное занятіе инока—исключаетъ службу мірскимъ людямъ, ихъ духовнымъ и тѣлеснымъ нуждамъ. Недаромъ величайшие подвижники древней Руси были въ тоже время самыми усердными благотворителями: достаточно вспомнить преп. Феодосія и преп. Сергія. Наши древніе подвижники строили при своихъ обителяхъ страннопріимницы, богадѣльни для калѣкъ и больныхъ, гдѣ вѣроятно ихъ и лечили какъ тогда умѣли. Въ голода, посѣщавшіе русскую землю и въ древности такъ же часто какъ теперь, не жалѣя монастырскихъ запасовъ, иногда скучныхъ, подвижники питали сотни даже тысячи народа. Поэтому г. Кругловъ совершенно справедливо называетъ благотворительное дѣло старымъ, давно извѣстнымъ, только забытымъ въ современныхъ русскихъ монастыряхъ. Онъ пишетъ не проектъ переустройства нашихъ монастырей: онъ просить ихъ только откликнуться на свой призывъ. И они откликнулись...

Противникомъ г. Круглова является издатель Троицкихъ Листковъ, казначей Троицкой лавры архимандритъ Никонъ, напечатавшій уже нѣсколько статей по вопросу о монашествѣ¹⁾). Вотъ пока вкратцѣ тѣ положенія, которыхъ проводятся въ этихъ статьяхъ. Монастырь—духовная врачебница, въ которой инокъ получаетъ исцѣленіе отъ страстей. Монахъ долженъ заботиться исключительно о своемъ личномъ спасеніи, а непремѣнное условіе для этого — удаленіе отъ міра, уединеніе, смерть для міра, полное одиночество (мы такъ понимаемъ: полная свобода отъ обязанностей служенія міру). Пусть называютъ осуществленіе такого идеала „эгоизмъ спасенія“—это *святой эгоизмъ*²⁾. Для инока главнымъ дѣломъ, единственнымъ на потребу, остается молитва; всякое виѣшнее добродѣланіе есть только *подѣлъ*³⁾. Единственная форма служенія міру со стороны монаха—примѣръ его жизни, личнаго подвига: спасая себя, онъ тѣмъ самымъ спасеть и другихъ. Инокъ не можетъ служить міру даже словомъ. Правда, дѣло милосердія духовнаго — религіозно-нравственное учи-тельство возможно монаху, возможны и другіе виды общественнаго служенія, но не какъ плодъ его свободнаго стремленія и самодѣятельности, а какъ слѣдствіе особаго Божественнаго призванія. Лишь въ этомъ случаѣ монахъ не можетъ отказываться отъ служенія обществу⁴⁾.

Обсудимъ эти положенія сначала съ принципіальной стороны. Спѣшимъ оговориться. Направляя свои возраженія противъ изложенныхъ сужденій арх. Никона, казначея Троицкой лавры, мы не будемъ имѣть въ виду его монастыря. Дѣйствительная жизнь лавры преп. Сергія построена совсѣмъ не по идеаламъ арх. Никона и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ даже выше этихъ идеаловъ: при лаврѣ есть страннопріимницы, школы, на ея средства содержится бога-

1) „Православный идеалъ монашества“, *Душеполезное Ученіе*, (октябрь, 194—209) противъ г. Круглова, „Еще объ идеалѣ монашества“, въ отвѣтъ петербургскому иноку (январь, 1903 г. 107—120), „Дѣланіе иноческое и дѣло Божіе“, въ отвѣтъ арх. Евдокиму (февраль, 330—355), „Несожиданный союзникъ“, по поводу фельетона г. Розанова (мартъ, 543—545).

2) Эти положенія развиваются въ первой статьѣ арх. Никона (октябрь 197—199).

3) Октябрь, 201 и 209; Февраль, 337.

4) Февраль, 342—343; ср. Октябрь, 207.

дѣльня. Отнюдь не желаемъ мы касаться и самого арх. Никона какъ личности, мы имѣемъ дѣло исключительно съ его воззрѣніями, высказанными въ перечисленныхъ статьяхъ.

Что монастырь духовная врачебница или мѣсто борбы со страстями, этого никто не отрицаєтъ и отрицать не станеть. Всякій согласится и съ тѣмъ, что первая, и, если хотите, единственная забота монаха — личное спасеніе, и съ тѣмъ наконецъ, что неизбѣжное условіе для этого — удаленіе его изъ мира. Но слѣдуетъ ли непремѣнно понимать дѣло спасенія такъ, какъ понимаетъ его арх. Никонъ? — вотъ вопросъ, на которомъ слѣдуетъ прежде всего остановиться. Пусть читатель представить себѣ такой рядъ мыслей въ сужденіи о спасеніи, — по вопросу о томъ, какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ о спасеніи души. *Нѣтъ спасенія безъ участія въ общественномъ благѣ.* Раздроблять эти двѣ цѣли жизни значитъ или спасеніе или общественное благо понимать неправильно, не по разуму Божественного откровенія. Понятіе о спасеніи въ данномъ случаѣ *уэко.* Самое содержаніе его составляеть любовь къ близкимъ (наряду съ любовью къ Богу), а забота объ общественномъ благѣ и является требованіемъ этой любви. Истинное православное христіанство осуждаетъ всякий эгоизмъ; первое и необходимое условіе слѣдованія за Христомъ — „*отвергнись самого себя*“, всякой привязанности къ своему я. Поэтому спасеніе слѣдуетъ понимать, какъ начало, *исключающее всякий эгоизмъ, въ томъ числѣ и эгоизмъ религиозный* („*святой эгоизмъ*“ — по терминологіи арх. Никона¹⁾). Приведенные

¹⁾ Моисей молился Господу послѣ того, какъ евреи поклонились золотому тельцу: „прости имъ грѣхъ ихъ; а если нѣтъ, то и меня изгладь изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ“ (Исх. XXXП, 32). II Ап. Павелъ пишетъ къ Римлянамъ (IX, 3—4): „я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. израильтянъ“. Возможна ли при эгоизмѣ спасенія эта высшая степень самоотреченія, понятно ли подобное настроеніе нашимъ „святымъ эгистамъ?“ Не думаемъ, потому что и великий пророкъ израильской и великий апостоль язычниковъ понимали спасеніе, какъ нѣчто заключающее въ себѣ наивысшую степень самоотверженія и потому исключающее эгоизмъ во всѣхъ его видахъ. А между тѣмъ истинные подвижники раздѣляли это настроеніе пророка и апостола. Преп. Варсануфій Великий говорилъ своему ученику: „повѣрь мнѣ, братъ, что духъ мой усерд

мысли взяты нами изъ статьи очень извѣстнаго современаго русскаго іерарха—богослова¹⁾). Любознательный читатель найдеть здѣсь мѣткую характеристику религіознаго эгоизма и религіозныхъ эгоистовъ, къ лицу которыхъ причислять себя и авторъ разбираемыхъ статей. Итакъ пониманіе вопроса о спасеніи арх. Никономъ по меньшей мѣрѣ спорно. И на своеемъ спорномъ пониманіи этого основного вопроса, можетъ быть на повиманіи одностороннемъ и узкомъ, онъ строить всѣ свои воззрѣнія на монашество, на его идеалы, задачи и отношенія къ міру.

Двѣ равно великия заповѣди въ законѣ: любить Бога всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самого себя. Если инокамъ изъ этихъ двухъ заповѣдей по арх. Никону можно ослабить исполненіе второй (любви къ ближнему) для того, чтобы больше оставалось времени и силъ для молитвы Богу, т. е. для исполненія первой, то простая справедливость требуетъ того, чтобы для мірянъ, которымъ не послабляется исполненіе заповѣди о любви къ ближнему, было какъ можно болѣе ослаблено исполненіе другой молитвы къ Богу—выраженія любви къ Нему. Инокъ будетъ тогда молиться, не заботясь о милосердіи къ бѣднымъ, мірянинъ помогать ближнимъ, не заботясь о молитвѣ. Такъ бы по простой справедливости и естественной послѣдовательности долженъ быть разсуждать арх. Никонъ. Того же требовало бы иуваженіе его къ иноческому званію. Вѣдь въ противномъ случаѣ мірянинъ, исполняя обѣ заповѣди, будетъ святѣ моноха и мірское со-состояніе выше монашескаго, о чёмъ, думаемъ, и слышать не захочетъ почтенный о. архимандритъ, торжественно называющій монашество, забывая обѣ іерархіи, „передовыми отрядомъ Христовой воинствующей церкви“. Но подобное

ствать сказать моему Владыкѣ. Который радуется о прощениі рабовъ Своихъ: Владыко, или вмѣстѣ со мною введи чадъ моихъ (духовныхъ лѣтей, учениковъ) въ Царство Свое, или изгладь и меня изъ книги Твоей. Но немощь моя и нерадѣніе препятствуютъ мнѣ имѣть такое дерзновеніе; впрочемъ, милосердіе Его велико". *Преп. Василій Вел. и Іоанна, Руководство къ духовной жизни, отвѣтъ 110, по изд. М. 1892 г. стр. 77—78.*

¹⁾ Епіскопъ Антоній (Волынскій). Полное собрание сочинений, III „Какъ относится служение общественному благу къ заботѣ о спасеніи своей собственной души“? стр., 342 и слѣд.

раздѣленіе труда въ дѣлѣ спасенія было бы совершенно неумѣство. Всѣмъ христіанамъ сказано апостоломъ: *непрестанно молитесь* (Фессал. V, 17), безъ изъятія для мірянъ. Ко всѣмъ, въ томъ числѣ и къ инокамъ, относятся слова другого апостола: „*чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненнымъ отъ мира...* Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: *идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ и мнѣ потребнаго для тѣла: что пользы?* такъ и вѣра, если не имѣть дѣла, *мертва сама по себѣ* (Акрова, I, 27; II, 15—17)¹⁾. И самая мысль о томъ, что можно отдельно исполнять эти заповѣди, совершенно невѣрна. По учению апостола любви весь законъ христіанской жизни заключается „*въ любви къ ближнему и въ любви къ Богу черезъ любовь къ ближнему*“²⁾.

Вопросъ теперь въ томъ, кто ближній монаха, старый вопросъ законника: „*и кто есть ближній мой?*“ По притчѣ Христовой ближній для іudeя презрѣнныи самарянинъ. И мы полагаемъ, ни одинъ инокъ, даже самый святой эгоистъ, не скажетъ такой нелѣпости, будто ближній для монаха только монахъ, что мірянинъ для инока существо болѣе презрѣнное, чѣмъ самарянинъ для іudeя, что монастырская ограда служить той границей, до которой только доходитъ и за которой уже кончается святое служеніе инока ближнему. Однако можетъ быть онъ заявить, что монаху въ большей степени ближній монахъ, чѣмъ мірянинъ. Но и это неосновательно: для такого дѣленія ближнихъ на два разряда нѣтъ основанія ни въ Св. Писаніи, ни въ примѣрахъ

¹⁾ Обходя это ясное мѣсто изъ Апостола наши провозвѣстники православного монашескаго идеала часто ссылаются на Іоан. ХІІ, 8: „*Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда*“. Но слова Господа относились только къ Его ученикамъ и только къ моменту прощенія Его съ ними. Относить ихъ къ монашеству и въ все времена, значитъ допускать произвольный аллегоризмъ въ толкованіи. Другое мѣсто Евангелія: „*Мареѧ, Мареѧ! ты заботишься и суетишься*“ и т. д. въ нашемъ вопросѣ совсѣмъ не идетъ къ дѣлу, развѣ только тоже въ аллегорическомъ смыслѣ.

²⁾ Прот. П. Я. Севастовъ, Идея царства Божія. Б. В. настоящ. книжки, стр. 628.

древнерусскихъ подвижниковъ. Преп. Сергій *всіхъ равно любилъ и всімъ равно творилъ добро*; преп. Евфросинъ *всіхъ равно упокоивалъ, какъ посланныхъ отъ Бога*. Значитъ монашеское званіе совершиенно совмѣстимо съ служеніемъ мірскимъ ближнімъ. Что же касается превозношенія монаховъ надъ мірянами, то оно строго осуждалось лучшими иноками древней Руси. „Тѣмъ же, о возлюбленніи, говоритъ одно наставленіе монахамъ, да будите все обѣть свой хранящe,—въ терпѣнїи и въ послушаньїи, не манатъя (манятіи) кажуще и глаголющe: „*се иноци есмы, импемъ образъ ангельскїй, покланяйтесь намъ!*“ Образъ бо вы не спасеть, аще дѣлы ангельски не украситеся“. „*Облекосте бо ся въ манатіа смиренія и въ куколь беззлобія, паче стяжите любовь, яже есть соузъ совершенія*“ ¹⁾...

Перейдемъ къ оцѣнкѣ возврѣнній арх. Никона съ точки зрењія исторіи.

Изъ нашего исторического очерка читатель видѣлъ, что монашеские идеалы древней Руси до пол. XV в. отличались большимъ однообразіемъ. До этого времени русское монашество было въ общемъ дѣятельнымъ, практическимъ. Только въ XV стол. оно рѣзко дѣлится сначала на два направлениa, потомъ на двѣ партіи. Яркими выразителями туземнаго монашества являются юсифляне, которые еще болѣе развили практическій идеалъ древнѣйшихъ русскихъ подвижниковъ. Другая партія—заволжская развила свои возврѣннія подъ сильнымъ вліяніемъ Аѳона. Бѣлоозерскіе старцы выступаютъ рѣшительными противниками дѣятельного идеала и проповѣдниками монашества строго созерцательного. Церковное большинство было однако не на сторонѣ заволжскихъ созерцателей. Новому направленію не суждено было не только одержать побѣды надъ противниками, но и отстоять право на собственное существованіе. Но все же созерцательное направленіе существовало въ древней Руси и имѣло на своей сторонѣ авторитетныхъ представителей.

Въ разбираемыхъ статьяхъ арх. Никонъ достаточно подробно и ясно изложилъ свои монашеские идеалы, возврѣннія на задачи монашества и на служеніе его міру. Вотъ мы и посмотримъ теперь, имѣютъ ли его идеалы и возврѣ-

¹⁾ *Иноческія поученія*, Матеріалы для исторіи р. церкви. I, 124 и 144.

нія оправданіе въ исторіи русскаго монашества той или другой партії. Сначала сравнимъ ихъ съ завѣтами и практикой того кореннаго направлениія, которое проходитъ чрезъ всю исторію русскаго монашества, начиная съ XI в., а по-томъ сопоставимъ ихъ съ идеалами бѣлоозерскихъ старцевъ.

Прежде всего обсудимъ *взглядъ* арх. Никона на благотворительность вообще. Разсуждаетъ онъ такъ. Цѣль монашеской жизни чужда всякихъ утилитарныхъ элементовъ. Покаяніе, плачъ о грѣхахъ и возможно продолжительная богослужебная и келейная молитва—вотъ его прямая задача. Для ея осуществленія монаху нужна свобода отъ заботъ и полное одиночество. Это идеаль, это монашеское дѣло. Однако удержаться на высотѣ этого идеала невозможно для смертнаго. У монаха есть физическія потребности, для удовлетворенія которыхъ онъ долженъ отрывать часть времени у молитвы. Ему нужно обѣдать, тошить печь, выметать соръ изъ кельи, чинить свое платье. Это монашеское „подѣліе“. Разумѣется, чѣмъ меныше подѣліе вредить дѣлу, тѣмъ лучше. Благотворительность въ какой бы то ни было формѣ, есть тоже не дѣло, а подѣлѣ монаха. Отсюда „всякое виѣшнее добродѣланіе есть только цвѣтъ: плодъ же есть внутреннее духовное дѣланіе молитвы Иисусовой... Вотъ почему всякое виѣшнее дѣло для монаха есть только подѣліе, а главное дѣланіе есть молитва. Вотъ въ чёмъ суть монашескаго дѣланія въ отличіе отъ простой мірской добродѣтели¹⁾.

Этотъ принципіальный взглядъ арх. Никона на дѣло благотворительности иноковъ на основаніи исторической справки своей мы считаемъ одностороннимъ и ошибочнымъ.

Ницелюбива была древняя Русь. Не могла она говорить такъ пренебрежительно о дѣлахъ христіанскаго милосердія. Она воспиталась на твореніяхъ Златоуста, этого вселенскаго проповѣдника милосердія, словами котораго „о милостыні“ (или словами съ его именемъ) наполнены наши древніе сборники. „Милостыня—царица добродѣтелей“ по Златоусту; „Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ“, говорить проповѣдникъ милосердія. На Руси усвоили и повторяли эту проповѣдь. „Милостыни бо есть всего лучше и

¹⁾ Октябрь, 209.

вышше, възводящи до самого небеси предъ Богомъ“, говорить древнѣйшій лѣтописецъ ¹⁾). Она есть лучшее выраженіе той любви, которой люди живы, которая спасетъ міръ. „Спаситеся богатіи милостынею, говоритъ древнерусскій проповѣдникъ, спаситесь убозіи терпѣніемъ, спасися весь міръ любовію“ ²⁾). Нищаго у насъ почитали. Грѣхомъ считалось отказать ему въ подаяніи: „грѣхъ есть не давши нищему, а имѣюще что дати: епитимії 15 дній, поклонъ 100 на день“, — такъ читается въ древнемъ епитимейникѣ. Предписывалась трогательная заботливость и предупредительность къ бѣдному человѣку. „Согрѣвшихъ отче (каялись въ древней Руси), нищему не даль воды пить, или отъ собаки не проводилъ“ ³⁾.

Нѣкоторое объясненіе такой заботливости слѣдуетъ искать въ томъ вѣрованіи, что въ образѣ нищаго по грѣшной землѣ ходить Самъ Христосъ, что нищая братія — братія Христова. Андрей Боголюбскій подавалъ безъ отказа каждому нищему чего бы тотъ ни попросилъ и объяснялъ при этомъ: „ѣда се есть Христосъ (можетъ быть это Христосъ) пришедъ испытать мене“ ⁴⁾. Киевскій митр. Іоаннъ IV получалъ Новгородскаго владыку Иллю при поставленіи: „чадо, прилѣжи милостыни; зри Христа у нищаго въ рубѣхъ (въ лохмотьяхъ) сѣдяща и къ тебѣ руку простирающа“ ⁵⁾. И подвижники, эти лучшіе люди древней Руси, раздѣляли сами и проповѣдывали другимъ описанная возврѣнія. Оно слышится въ предсмертныхъ словахъ преп. Никона Радонежскаго, ясно выражено въ приведенныхъ статьяхъ устава преп. Евфросина Псковскаго. И тѣ и другія наглядно показываютъ, насколько жива была вѣра, что въ образѣ нищихъ къ вратамъ нашихъ обителей являются неземные гости. Ходить въ образѣ нищаго по обителямъ святой Руси Христосъ, но не вездѣ радушно и ласково принимаютъ Небеснаго Странника. Въ одномъ патерикѣ содержится интересное слово о „нѣкоемъ игумени“. Этотъ игуменъ общежи-

¹⁾ *Ипат. лѣт.*, 91.

²⁾ Н. К. Никольский, О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича, 221.

³⁾ А. Глазовъ, Тайная исповѣдь, III, 251, 199.

⁴⁾ *Ипат. лѣт.*, 397.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., Ч. 271, стр. 297.

тельнаго монастыря сначала былъ нищелюбивъ, но потомъ, когда вошелъ въ славу, началъ дружить съ боярами и боячами, „а сиротъ небреже“. Въ монастырь къ нему пришелъ Самъ Христосъ въ образѣ убогаго сироты черноризца и просилъ привратника передать игумену, что пришелъ Онъ къ нему со многимъ трудомъ, издалека. Привратникъ засталъ настоятеля за бесѣдой съ богатыми, доложилъ ему о приходѣ странника, не зная и не сказавъ, что это Самъ Христосъ. Тотъ накричалъ на привратника, прервавшаго игуменскую бесѣду съ честными мужами, выбраниль и за то, что пустилъ къ монастырю нищаго, и отсылая сказалъ привратнику, чтобы онъ не обращалъ на Пришельца никакаго вниманія. Долготерпѣливый Господь пребывалъ въ монастырѣ ожидая. Но вотъ вѣдетъ въ монастырь городской богачъ; игуменъ спѣшилъ бѣжитъ навстрѣчу къ монастырскимъ воротамъ. И Господь подошелъ къ нему и сказалъ съ мольбой: „отче, у меня есть къ тебѣ слово“. Зазнавшійся монахъ только посмотрѣлъ и, ничего не отвѣтивъ Господу, пошелъ съ своими гостями обѣдать. Когда кончился обѣдъ, игуменъ опять подходилъ къ воротамъ уже провожать своихъ гостей, снова Господь пытался говорить съ нимъ и снова не былъ выслушанъ. До самого захода солнца игуменъ не имѣлъ досуга принять Странника. Уходя отъ монастырскихъ воротъ, Господь говорить игумену чрезъ привратника: „ты ищешь человѣческой славы! Ради прежней добродѣтельной жизни твоей я пришелъ дать благословеніе тебѣ, но ты не захотѣлъ. И вотъ нынѣ со всѣхъ четырехъ краевъ земли пошли къ тебѣ богатыхъ: вѣдь ты ищешь славы и чести отъ людей! Но ради богатыхъ ты лишенъ будешь Моего царства и чуждъ общенія святыхъ“. „Тако познася вседержитель Господь, во образѣ нищаго пришедый, и взялся на небо“¹⁾). Похоже ли, читатель, это трогательное мистическоеуваженіе древней Руси къ братіи Христовой: ея писателей, какъ авторъ изложенной повѣсти, и подвижниковъ, какъ перечисленные выше, похоже ли оно на то отношеніе, въ которое ставить инока къ нищей братіи арх. Никонъ? Совсѣмъ не похоже. Онъ неоднократно повторяетъ слова

¹⁾ Протоколы Харьк. Універ. 1867 г. № 7. стр. 636 — 637. Отчетъ П. Лукьянова.

Господа: „нищихъ всегда имъете съ собою“ ¹⁾ и сколько не евангельскихъ чувствъ влагаетъ въ эти евангельскія слова!..

Законодатели русского монашества считали благотворительность обязанностью монаха *николько не меньшей, чѣмъ молитва*. Арх. Никонъ судить по другому, возвышая молитву и унижая предъ ней благотворительность. „Единое на потребу для инока остается молитва“, говоритъ онъ. Но безспорно, что и древніе подвижники наши не отставали въ молитвѣ отъ теперешнихъ и молились „за весь міръ безпрестани“. Въ любомъ житіи вы встрѣтите, что такой то святой непрестанно умъ свой имѣлъ къ Господу и сердце пригвождалъ въ молитвахъ день и ночь, никогда не измѣняль правилу молитвенному, не отлучался чина церковнаго и келейнаго правила, что въ молитвѣ проводилъ онъ свои ночи, мало сна вкушая, или сонъ бдѣніемъ изгоняя, не лежа на ребрахъ,— что ноги его были „яко столпіе“. Но сказать, что молитва преподобныхъ исключала (или даже ограничивала) для нихъ дѣла человѣколюбія въ отношеніи къ нуждающимся мірянамъ, чтобы одна молитва вмѣстѣ съ вспомогательными аскетическими подвигами считалась ими достаточной или почти достаточной для спасенія, сказать такъ значило бы совершенно забыть ихъ житія. Напротивъ они подвизались по житійному выраженію, „смѣшая посты съ милостынею“, т. е. соединяя подвиги личнаго аскетизма съ дѣлами служенія ближнему. *И милостыня занимала эдѣсь отнюдь не второстепенное, служебное положеніе: она равна молитвѣ.* „Сотвори умъ твой (слова Діонисія Глушицкаго) со всѣмъ тщаніемъ единаго Бога искати и прилежати въ молитвѣ. И паче подвигнемся помогать нищимъ и сиротамъ и вдовицамъ“. Тотъ же подвижникъ поучалъ братію, что на страшномъ судѣ всѣхъ насть Господь будетъ судить по дѣламъ человѣколюбія. Корнилію Комельскому открыто въ видѣніи, что тѣ колачи и хлѣбы, которые онъ раздалъ нищимъ, послужатъ къ его наградѣ за гробомъ. Преп. Зосима говорилъ въ предсмертномъ поученіи соловецкой братіи: „и милостыни съ тщаніемъ прилежите, безъ нея же никто же узритъ Господа“ ²⁾). Черноризцы, „пруждающеся странныхъ ради и болѧщихъ

¹⁾ Февраль, 338—339.

²⁾ Житіе преп. Зосимы. Ркп. Вол. Б—ки № 659, л. 266 об.

упокоенія, заявлялъ Іосифъ Волоколамскій, не токмо не осуждаются, но паче сея самыя ради вины велию изду съ постничествомъ своимъ воспріимутъ". Но еще выразительнѣе нравственную цѣнность милостыни для инока защищаетъ преп. Феодосій Печерскій въ приведенномъ выше поученіи. Монаховъ, хотѣвшихъ спастись только подвигами аскетизма—постами, бдѣніемъ и молитвой, и роптавшихъ на нищелюбиваго игумена, онъ сравниваетъ съ неразумными дѣвами Христовой притчи, которая осталась въ брачнаго чертога потому, что въ свѣтильникахъ ихъ душъ не нашлось масла, т. е. милостыни. Сравниваетъ далѣе съ израильтянами, роптавшими на Моисея въ пустыни. „Да не уподобимся онѣмъ роптивымъ, иже чрева ради падоша въ пустыни, ни помышляемъ бѣсовскихъ помышленій, иже всѣваютъ въ сердца наша неподобная“. Такъ порицаетъ преп. Феодосій печерскихъ ропотниковъ, древнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ „святого эгоизма“. Сильно опасаемся, не обидѣли бы кого и теперь эти суровыя рѣчи никогда не гнѣвавшагося подвижника, отца русскаго монашества.

Признавая христіанскую благотворительность столь же необходимой для спасенія инока, какъ и молитву, древнерусскіе подвижники узаконяли ее для монастыря въ цѣломъ. Преп. Феодосій Печерскій тратилъ на содержаніе двора для пріема нищихъ и больныхъ десятину монастырскихъ доходовъ. Преп. Сергій, организуя общежитіе въ Радонежской обители, вводить въ неї, какъ необходимую составную принадлежность новаго строя, благотворительность въ трехъ главныхъ видахъ—страннолюбія, нищелюбія и ухода за больными; отправление этихъ обязанностей возлагаетъ на служебныхъ чиновъ монастыря и даетъ свое предписаніе имъ въ видѣ непререкаемой заповѣди. Подобнымъ образомъ поступаетъ Евфросинъ Псковскій, который благотворилъ самъ „и братіи своей заповѣда ничтоже звати своимъ, но все монастырскимъ, подобяся гласу Сиасову: „милостивыхъ дани не оскудлюютъ“, т. е. очевидно ставя благотворительность въ неразрывную связь съ общежительнымъ уставомъ, требующимъ, чтобы у монаховъ все было общее и чтобы монастырскіе излишки шли бѣднымъ. А Корнилій Комельскій такую милостыню признаетъ единствено возможной въ устроенномъ общежительномъ монастыре („милостыня въ монасты-

рехъ и нищелюбство обща суть“) и запрещаетъ иноку по- давать милостыню лично, хотя бы и изъ монастырскихъ средствъ, опасаясь того, чтобы частная милостыня не по- служила предлогомъ для развитія частной собственности среди монаховъ, не содѣйствовала нарушенію общежитель- наго устава. Средства для благотворительности монастырь получаетъ изъ двухъ источниковъ: изъ приносовъ отъ мі- рянъ и отъ трудовъ братіи. Подвижники предписывали ино- камъ даже трудиться съ этою цѣлью: дабы о нищихъ лю- бовь показать (Павель Обнорскій), „тружаться странныхъ ради и болящихъ упокоенія“ (Іосифъ Волоколамскій), „да не токмо сами свой хлѣбъ ядять, но да и неимущихъ пи- таютъ“ (Корнилій Комельскій). Отходя изъ этого міра, по- движники повторяли братіи то, чemu примѣромъ и словомъ учили ее при жизни—не забывать страннолюбія, прилежать милостыни. И замѣчательно: рядомъ съ этими наставленіями подвижники предписываютъ и неопустительное соблюде- ніе молитвенного устава. „Трапезы отъ любостранна не за- творите, о милостынѣ попецьтесь, просяща потребная тща не отпустите. Соборныя молитвы не отлучайтесь никакою нужею... Такъ завѣщеваль о монастырскомъ строеніи преп. Пафнутий, разсуждая, что монастырь можетъ соединить и шедрую благотворительность и неопустительную церковную молитву. Можно ли послѣ того утверждать, что благотвори- тельность отвлечетъ инока отъ молитвы?

Вводя благотворительность въ кругъ обязанностей мона- стыря, подвижники древней Руси опирались на примеры восточныхъ законодателей христіанского монашества, старались слѣдоввать имъ. Евфросинъ Псковскій, предписывая страннолюбіе и милостыню своей обители, по словамъ жизнеописа- теля поступалъ, ревнуя Ѣеодосію Киновіарху и Евеймію Ве- ликому и „подражая житію ихъ во всемъ“. Преп. Сергія въ его благотворительныхъ заботахъ также одушевляли житія отцовъ христіанского монашества, какъ отшельника Антонія, такъ и общежителей: Пахомія, Евеймія, Саввы и Ѣеодосія. Не знаемъ, какъ думаетъ арх. Никонъ, а мы увѣрены, что названные подвижники нисколько не обманывались, когда, предписывая своимъ обителямъ благотворительность какъ обязательное дѣло, хотѣли строго слѣдовать завѣтамъ древ- няго восточного монашества.

Имѣя для своихъ благотворительныхъ плановъ твердую точку опоры въ прошедшемъ, они искали ее и въ будущемъ. Слѣдуетъ здѣсь припомнить, что *древнерусскіе монастыри* (исключая заволжскихъ скитовъ) *были стяжательными*, хотя это выходило нерѣдко и вопреки желаніямъ ихъ святыхъ основателей. И вотъ заповѣдь о благотворительности они сопровождали обычно предостережительнымъ обѣщаніемъ: „аще сю мою заповѣдь сохраните безъ роптанія... обитель моя зѣло распространится и въ многи лѣта неразрушима постоитъ“ (преп. Сергій); „а нищихъ пойте и кормите довольно и милостыню давайте, да не оскудѣтъ мѣсто сie святое“ (преп. Антоній Сійскій † 1556 г.). Приведенныя слова подвижниковъ имѣютъ важное значеніе и глубокій смыслъ.

Арх. Никонъ видѣтъ въ организованной благотворительности монастыря яѣкоторый виѣшній приштокъ къ монастырскому строю и порядку, какъ бы пристройку, которую только терпятъ, хотя бы она и портила общій видъ зданія. Древніе же подвижники не прилагали ее къ монастырской организаціи въ качествѣ чего-либо сверхдолжнаго или междуудѣльнаго, они считали ее неразрывной частью монастырского строя, однимъ изъ краеугольныхъ камней, которымъ держится порядокъ въ обители и сохраняется общежительный уставъ и именно потому они связывали судьбу своихъ обителей съ исполненiemъ своей заповѣди о благотворительности. И возврѣніе ихъ совершиенно правильно. Прежде всего: путемъ милостыни нуждающимся мірянамъ монастырь возвращалъ міру то или часть того, что приносили ему тоже въ видѣ милостыни христолюбцы міряне, болѣе состоятельные. Это несомнѣнно поднимало нравственное значеніе древнерусскаго монастыря какъ благотворителя, пособника бѣдныхъ, и содѣйствовало между прочимъ самому накопленію его богатствъ, процвѣтанію его. Даѣс. Благотворя монастырь только отдавалъ свой долгъ предъ міромъ, исполнялъ элементарную обязанность благодарности. „Накормите кормящихъ вы, говорилъ однажды преп. Сергій братіи, напитайте питающихъ вы и учредите и почтите, достойни бо суть учрежденія и почтенія“ ¹⁾). Неужели современный рус-

¹⁾ Житие, 88.

скій монастырь, не отказывающія отъ мірскихъ приношеній, откажется кормить кормящихъ его? Это несомнѣнно уронить и давно роняетъ его нравственное значеніе, содѣйствуетъ тому и духовному и материальному обѣдненію и захирѣнію, которому подверглись многія, древняя обители, забывшія предостережительныя обѣщанія своихъ преподобныхъ основателей. Наконецъ: излишки, остающіеся въ монастыряхъ и не употребляемые по тому единствено законному назначенію—на благотворительность, скопляются здѣсь въ видѣ богатства. Но богатство безусловно вредно для монастыря, потому что представляеть прямое нарушеніе общежительного устава со стороны цѣлаго монастыря (ибо раздавать излишки нищимъ и запрещеніе скоплять богатство—прямое требованіе устава) и влечетъ обычно за собой обогащеніе монастырскихъ властей, появленіе частной собственности, т. е. содѣйствуетъ дѣленію братіи по имущественному состоянію, разрушенію общежитія и развитію всякихъ пороковъ¹⁾). А арх. Никонъ и боится того, что ради благотворительности современные монастыри наши забудутъ свой уставъ, разрушать строй!

Історія древнихъ монастырей нашихъ приводить къ тому заключенію, что степень благотворительности въ той или иной обители есть точный показатель степени твердости въ ней общежительного устава, что съ другой стороны забвеніе или небреженіе ея есть вѣрный признакъ ослабленія или паденія общеобязательного киновіотскаго устава и забвенія частной заповѣди святого основателя монастыря. Съ двухъ сторонъ подтверждается отмѣченная зависимость обоихъ явлений—соблюденія общежительного устава и посильной благотворительности. Съ положительной мы это уже видѣли на примѣрахъ древнихъ подвижниковъ, при которыхъ благотворительная дѣятельность обителей была самая широкая и уставъ строго соблюдался. Съ отрицательной стороны сей-часъ увидимъ. Беремъ яркій исторический примѣръ —

¹⁾ Мѣтко выразилъ эту послѣднюю опасность Иванъ Грозный въ своемъ посланіи къ св. Гурію Казанскому. „Еже не добро монастыри богатѣти чрѣзъ потребу и велики отчины давати, они бо симъ болѣе пустуютъ, пьянствуютъ и лѣнятся, а праздность на всяко зло влечеть; а коли убоги, то болѣ трудятся, како бы достати хлѣбъ и одежду, а другое въ голову ему не пойдетъ“. Исторія росс. іерархіи. VI, 530.

рядъ чудесъ преп. Варлаама Хутынского, записанныхъ въ XVI в. и достаточно характеризующихъ жизнь его монастыря въ то время. Заповѣдь, полученная отъ основателя Хутынского обители, стоящей на берегу прежде оживленного Волхова, была слѣдующая: „странныхъ съ пути покоити, поити и кормити, прѣѣзжихъ на конѣхъ покоити всякимъ покоемъ и милостыни нищимъ творить“. Преподобный предписывалъ: „странолюбія не забывать, то благодатію Христовою обитель моя и по смерти не оскудѣеть“. Таковъ былъ и монастырскій обычай. Въ день кончины подвижника—6-го ноября нищимъ раздавалась милостыня хлѣбомъ и деньгами. Хутынская обитель отворяла для народа свои полныя житницы въ случаяхъ голодовъ, часто посѣщавшихъ землю вольнаго города¹⁾. Но въ XVI в. общежитіе на Хутыни было въ разстройствѣ. „Бяху братія отъ болярска рода люди сильные. Иные братія соборные изъ давнихъ лѣтъ обогатѣли отъ лихоиманія собранія монастырскаго. И бяху ядуще и пьюще безъ воздержанія и питіе у себѣ по келіямъ имуще въ погребѣхъ; и трапезы особныя койждо во своихъ кельяхъ имуще“. Такъ мѣсто общежитія заступаетъ особножитіе. Монастырскія власти грабятъ и проживаютъ на себя достояніе обители,—тѣ излишки, которые должны были идти на милостыню нищимъ. Отъ того то и падаетъ благотворительность обители во всѣхъ ея видахъ. Одинъ хутынскій строитель дѣлаетъ такое распоряженіе: „не давати нищимъ хлѣба милостыни, ни кормити ихъ въ трапезѣ“. „Чашникъ“, завѣдующій монастырскимъ погребомъ, „самолюбивый“, не боясь Бога и презирая отеческую монастырскую заповѣдь и неравнодушный къ тому, чѣмъ завѣдывалъ, не даетъ меда болящимъ мірянамъ: „Господа Бога прогиѣвалъ: бѣднымъ и недужнымъ и болящимъ не подавалъ“²⁾. Случился голодъ. Новгородскій народъ, привыкшій въ неурожайные годы питаться изъ хутынскихъ житницъ, валитъ въ монастыри: „много множества гладныхъ людей—мужей съ женами и дѣтьми истаеми гладомъ изнемогше кричаще и вопіюще и моляся игумену и всей братіи, чтобы напитали ихъ алчныхъ и жадныхъ напоили, отъ глада велика изнемогающихъ“. Что

¹⁾ Житіе преп. Варлаама, Изд. Общ. Люб. Др. П. 79, 87—88, 90—92.

²⁾ Тамъ же, 89, 77, 94.

же игуменъ? Игуменъ Никифоръ (1517—1524 г.г.) „повелъ тѣхъ всѣхъ гладныхъ людей и съ женами и съ дѣтьми выслати вонъ изъ монастыря, не да имъ милостыниничтоже, ни поивъ, ни кормивъ. И повелъ отъ нихъ врата монастырскія затворити и заключити“. Наступила ночь и во снѣ чудотворецъ явился игумену ¹⁾... Обычно къ немилосерднымъ властямъ обители онъ является съ гнѣвными очами—„ярымъ окомъ“, говорить къ немъ „есть великимъ запрещеніемъ“, напоминая свой личный примѣръ и свою предсмертную заповѣдь. Въ его рукахъ неизмѣнно игуменскій жезль, который и пускается въ дѣло на провинившихся, причиняя имъ болѣзни, параличи и даже смерть.

Ужъ изъ этого примѣра видно, что паденіе благотворительности знакъ печального состоянія монашества. Но читатель вѣроятно замѣтилъ и то, что благотворительная дѣятельность основателей и устроителей монастырей почти всегда сопровождалась неудовольствиемъ братіи—тайнымъ или открытымъ репотомъ. И это не случайность. Это ясный показатель того, что благотворительная обязанность для монастыря не такое простое и легкое дѣло, какъ можетъ то казаться. Привести ее въ сознаніе братіи и закрѣпить въ строѣ созданной обители на долгое время удавалось очень и очень немногимъ изъ древнихъ подвижниковъ. Умирать подвижникъ; его ученики, которые не понимали благотворительной ревности своего преподобного игумена, исполняли его заповѣдь только за страхъ, а ученики учениковъ уже совсѣмъ не исполняли. Но случалось вѣроятно часто, что и непосредственные ученики не соблюдали завѣтовъ своего святого наставника ²⁾. Такимъ

¹⁾ Такъ же, 87.

²⁾ Преп. Корнилій Комельскій, известный своею широкой благотворительностью, въ концѣ своего устава пишетъ. „Слышахъ бо азъ самъ иже отъ мене постригшихся многихъ глаголющиихъ: вынѣ намъ Корнилій возвращають и не даетъ по своей воли пожити; а егда умретъ, и мы прейдемъ въ свой монастырь (т. е. въ обитель преп. Корнилія, откуда были удалены подвижникомъ) и по воли нашей поживемъ, якоже хощемъ“ (Ист. Росс. Іер. IV, 703). А въ житіи подвижника, правда довольно глухо, передается о покушевіи на его жизнь двоихъ его учениковъ, за что-то странно ненавидѣвшихъ святого (Ркп. Тр. Лавры № 676, л. 519). Можно ли ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ послѣ преп. Корнилія въ его монастырѣ долго продержалось общежитіе, содержался уставъ преподобного и свято сохранились его благотворительныя заповѣди?

образомъ оживленіе благотворительности въ нашихъ древнихъ обителяхъ совпадало съ лучшимъ ихъ временемъ, временемъ управления ими преподобныхъ основателей; ослабленіе ея и забвение благотворительныхъ обязанностей, которое и мы наблюдаемъ нынѣ, совпадаетъ съ худшими временами, свидѣтельствуетъ о печальномъ положеніи самого монашества. Таковъ исторический урокъ современному монашеству и его защитникамъ.

Итакъ мы видѣли, что благотворительность въ стяжательномъ монастыре есть вспомогательное средство сохраненія устава и порядка. Но можно разсуждать о благотворительности, какъ совершенно самостоятельной общественной задачѣ православнаго монастыря. Преп. Іосифъ Волоцкій говорилъ въ Москвѣ на соборѣ 1503 г., что благочестивые ктиторы—князья и епископы давали своимъ монастырямъ села и другія доходныя статьи, возлагая на монастырь благотворительныя задачи: „праведно судише и се: да елицы убожествомъ яти или нищетою обстоими, или недуги дружими, монастыря обходяще, утѣху приемлютъ“. По воззрѣніямъ преп. Іосифа монастырь долженъ скоплять богатства, чтобы благотворить. Но онъ долженъ благотворить и не будучи богатымъ, ибо монастырь по его воззрѣнію учрежденіе благотворительное. Это выходило ужъ не изъ словъ подвижника, а изъ его дѣятельности, которая описана въ своемъ мѣстѣ нашего очерка. Преп. Іосифъ открываетъ свою Богадѣльню для мѣрянъ—зачѣмъ? а затѣмъ, что „пемощиющу человѣчеству и грубу нужа подъяти (бѣдной черни слѣдуетъ пособлять) и помогать“, т. е. затѣмъ, что монастырь обязанъ прийти на помощь болящей бѣдности, темному простонародью. Во время голода подвижникъ какъ библейскій Іосифъ открылъ для народа монастырскія житницы, а когда въ нихъ ничего не осталось, началъ покупать, потомъ занимать хлѣбъ на сторонѣ, заставлять не доѣдать ропущенную братію—и зачѣмъ? а затѣмъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не ушоль голоднымъ отъ воротъ его обители, затѣмъ, что монастырь по его мысли во всякому случаѣ, богатъ онъ или пѣтъ, долженъ взять на себя дѣло прокормленія голодающаго края, не отказываясь отъ этого ни въ какомъ случаѣ. Отсюда выходило и то, что кормя народъ самъ, преп. Іосифъ убѣждаетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ богатѣйшихъ землевладѣль-

цевъ края—владѣтельныхъ князей, которые кромѣ помоющіи населенію хлѣбомъ могли помочь ему и регулированіемъ цѣнъ на хлѣбъ. Волоцкій подвижникъ поставилъ себя и свой монастырь во главѣ продовольственнаго дѣла въ цѣломъ краѣ. Недовольная братія толковала: „какъ прокормить столько народа покупнымъ хлѣбомъ? Безразсудна сія милость!“ Но безразсудны были эти толки. Преп. Іосифъ, неустанно работая для пропитанія тысячу народа очевидно предполагалъ, что „рука дающаго не оскудѣвѣтъ“. И онъ не ошибся. Великій князь даетъ его монастырю хлѣба для прокормленія голодающихъ и денегъ, дѣлаетъ монастырь органомъ продовольственныхъ операций правительства. И это единственный извѣстный намъ примѣръ въ такомъ родѣ (во всѣхъ остальныхъ случаяхъ питающей голодныхъ монастырь выступаетъ предъ нами не больше какъ частный благотворитель).

Примѣръ преп. Іосифа чрезвычайно важенъ въ настоящей полемикѣ. На немъ мы видимъ totъ предѣлъ, до котораго можетъ дойти дѣятельное монашество, не переставая бытъ православными. Современные авторы, стоящіе за активное служеніе его міру — г. Кругловъ и его сторонники — развѣ они требуютъ отъ нашего монастыря службы міру больше той, чѣмъ какую налагалъ на него волоцкій подвижникъ? Нисколько. Они высказываются не болѣе рѣшительно, чѣмъ какъ говорилъ въ свое время на московскомъ соборѣ преп. Іосифъ. И вотъ арх. Никонъ съ своими сторонниками въ одномъ призыва монахамъ къ благотворительной дѣятельности усмотрѣлъ подмѣну восточно-православнаго идеала монашества западнымъ католическимъ, навязываніемъ новыхъ задачъ монастырю и неизвѣстныхъ прежде послушаній монаху. Что же выходить съ этой точки зреянія? Выходитъ, что Іосифъ Волоцкій не православный подвижникъ, а скорѣе католическій монахъ, его многочисленная партія—благотворительный орденъ вродѣ францисканскаго, монастырь его нѣчто похожее на конгрегацію. А мы въ правѣ сдѣлать отсюда такой выводъ: воззрѣнія на монашество арх. Никона и его стороны такъ узки и односторонни, что въ ихъ рамки невозможно втиснуть господствующую съ конца XV в. школу русскаго монашества, да трудно помѣстить и монашество преп. Феодосія и преп. Сергія. Суще-

ствуютъ и теперь въ Россіи монастыри съ благотворительными задачами: упомянутая выше Покровская обитель въ Кіевѣ, Лѣснянскій и Вировскій монастыри въ западномъ краѣ,—всѣ женскіе. Но арх. Никонъ даже отказываетъ имъ въ имени монастыря и предлагаетъ официально называть ихъ общинами¹⁾.

Арх. Никону очень понравился одинъ терминъ, почему то называемый имъ монашескимъ; онъ имъ обозначаетъ то самое отношеніе, въ которомъ стоитъ иночъ къ дѣлу служенія ближнимъ. Терминъ этотъ — „подѣліе“. „Уходъ за больными“, „всякое виѣшнее дѣло“ или „виѣшнее добродѣліе“, даже „служеніе ближнему“ виѣшнимъ трудомъ своимъ есть ничто иное, какъ „подѣліе“, другими словами: „одно изъ текущихъ дѣлъ“, то, чѣмъ наполняется время иноха, свободное отъ молитвы и необходимаго келейнаго занятія (значить нѣчто не необходимое?), равное заботамъ житейскаго монашескаго обихода, „не самостоятельное послушаніе“, не цѣль само въ себѣ, а только „средство къ стяженію единаго на потребу“ — молитвы²⁾. Однако древніе подвижники никогда не называли „подѣліемъ“ великия дѣла христіанской любви, никогда не приравнивали ихъ этимъ названіемъ къ починкѣ плаТЬя, топкѣ кельи, приготовленію обѣда. При помощи лучшихъ пособій мы наводимъ точную справку относительно употребленія слова „подѣліе—πάρεργον“ въ классической, древнегрекской, византійской, церковнославянской и древнерусской литературѣ, наконецъ въ живомъ русскомъ говорѣ и что же мы видимъ? Видимъ, что въ такомъ примѣнѣ „подѣліе“ не употребляется никогда, ни одного раза³⁾. Мы конечно не ручаемся, что пособія наши

1) О Лѣснянскомъ и Вировскомъ монастыряхъ см. Бог. Вѣстн. 1902, ноябрь, 321—331. Ср. Душеп. Чт., февр. 352.

2) Октябрь, 201 и 209; февраль, 337 (дважды).

3) Терминъ πάρεργον чаще всего встречается въ классическомъ языке и обозначаетъ предметъ побочный, маловажный, посторонній, второстепенный, добавочный, сверхъ-сметный, вѣчно не возбуждающее вниманія; значитъ далѣе: пристройка или вставка, прибавка, приложеніе, отступленіе отъ предмета, бездѣліе (*Henricus Stephanus, οὐεταρρὸς τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης*, vol. VI, col. 491 — 492, verb. πάρεργος. Ср. Nouveau dictionnaire grec-francais par A. Chassang, pp. 728—729. Тамъ обильно приводятся соответствующіе тексты изъ классическихъ авторовъ). — Въ приведенномъ у насъ греческомъ текстѣ *Библіи* слово „πάρεργον“ не встречается ни разу

совершенно полны. Можетъ быть арх. Никонъ гдѣ-нибудь и нашелъ, что царица добротелей—милостыня, а также и

Только однажды употребляется прилагательное *πάρεργος* въ смыслѣ—малый—2 Мак. XV, 19. Въ древнехристіанской и византійской литературѣ оказывается мало случаевъ употребленія любимаго термина арх. Никона. Въ словаряхъ Свицера, Дю-Канжа и Софоклиса даже нѣтъ этого слова. Такъ какъ данныхъ изъ древнехристіанской и византійской письменности извѣстны намъ въ древнеславянскихъ переводахъ, то такъ мы ихъ и приводимъ. I. *Афанасій Александрийскій*: „Ничесоже подѣлю не творять“ (*πάρεργον*—лишнее, ненужное—переводъ *Горскаго и Невоструева*, Опис. рук. Синодальн. Б—ки, II, 2, 40). II. *Григорій Богословъ*: „Акы Саулъ, иже осѣлять отечь ища, царство обрѣте, болѣ дѣла подѣлокъ пріобрѣтъ“. Тамъ же: „подѣльници (*πάρεργα*) мужа“. III. *Златоустъ*: „О разбойниче, цѣарствію исповѣдниче, учителю мученикомъ, иже словомъ маломъ небеса отврѣзе и дивио пѣснью дивиое съкровиште обрѣть и подѣлье крестъное (*πάρεργον σταυροῦ*) небо створь“ (малый крестъ сдѣлалъ себѣ небомъ). IV. *Прологъ, Іюня 24*: „Свѣтъ сей яко подѣлье имаше (св. Иоаннъ Предтеча), не живяше бо въ домѣхъ многослужебныхъ... но въ пустынѣ единожителья“. V. Четь-Минеи, Apr. 22: „Болѣ же дѣла подѣлье обрѣтъ“ VI. *Никонъ Черногорецъ*: „Отъ шестого (часа) опочиваю до девятаго, по девятому пекуся о пищи и еже имать келья подѣлье“. VII. *Константинъ Болг.*: „Въ подѣлье имъ бѣша тѣлесная“ (*Горскій и Невоструевъ*, II, 2, 423). См. *Востокова*, Словарь ц. слав. яз. II, 131; *Миклошича*, Lexicon palaeo-slovenico - graeco - latinum, Vind. 1862—65, 603; *Срезневскаго*, Материалы для слов. др. рус. языка, II, 3, 1075—1076.

Въ древнерусской письменности „подѣлье“ встрѣтилось намъ всего три раза, причемъ примѣняется оно совершенно въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ древнехристіанской литературѣ. I. *Посланіе игумену Печерскому Василию*: „земную печаль (житейскія заботы), аки подѣлье имѣй, а о небесной жизни всегда печися по правилу твоего обѣта (Приб. къ Твор. св. От. X, 351). II. *Житіе преп. Сергія* (стр. 24): вспомянувъ, какъ Саулъ, посланный отъ отца за ослицами, былъ помазанъ на царство „и выше дѣла подѣлье пріобрѣтъ“, Епифаній продолжаетъ рѣчь уже объ отрокѣ Вареоломѣ: „Сице и блаженый отрокъ выше дѣла подѣлье обрѣте; посланъ бо бысть отцомъ своимъ Кирилломъ на взысканіе скота обрѣте етера черноризца старца свята“ и т. д. III. *Преп. Нилъ Сорскій*: „И отъ снаubo возставъ, прежде прослави Бога (усты твоими), также исповѣжься Ему, а потомъ сія дѣланія: молитва, пѣснѣ, чтеніе, рукодѣлье и, аще есть, подѣлье кое“. (Уставъ, 4 слово, по изд. М. 1849, стр. 63). — Въ *живомъ русскомъ языке* „подѣлье“ значить—посторонняя, неважная обязанность, исполняемая послѣ главного дѣла, междуудѣлье; дѣло или работа не главная, межидѣлье; *плѣстное значение* „подѣлья“ (вологодское)—рукодѣлье, рукомесло (Словарь ц. слав. и русскаго яз., изд. Ак. Н. Ш т. Спб. 1847, 285; *Дляя*, Толковый словарь живого великорусского яз. III, М. 1865).

уходъ за больными во исполненіе словъ Христовыхъ, называются мелкимъ дѣломъ, не необходимымъ, даже ненужнымъ. Если такъ употребляютъ любимое слово арх. Никона *новые писатели-аскеты*, то они это дѣлаютъ вопреки древнимъ христіанскимъ писателямъ, отцамъ Церкви и подвижникамъ. Сдается намъ однако, что это примѣненіе сдѣлать самъ арх. Никонъ и притомъ *совершенно неудачно*. Неудачность же его заключается въ томъ, что слово „подѣліе“ имѣеть *пренебрежительный оттенокъ* въ своемъ значеніи: маловажный, посторонний, ненужный предметъ, отступленіе отъ предмета, прямо бездѣлье. Послѣднемъ теперь за арх. Никономъ и примѣнимъ терминъ „подѣліе“ такъ, какъ его примѣняетъ онъ. Тогда мы получимъ слѣдующее. Преп. Феодосій обязываетъ иноковъ непремѣнно творить милостыню. Подѣльщикъ! Онъ возводить въ обязательное для монаха такое маловажное дѣло, заставлять инока отступать отъ главнаго предмета своей жизни и дѣятельности. Преп. Сергій даетъ заповѣдь творить неоскудную милостыню иходить за больными. Подвижникъ должно быть не догадывался, когда такъ непроизводительно, на такія мелочи онъ предписывалъ расходывать драгоценное время инока. Тоже подѣльщикъ, не больше! Всѣ тѣ преподобные и богоносные отцы, имена которыхъ читатель встрѣтилъ на предшествующихъ страницахъ,—страниолюбцы, нищелюбцы, посѣтители больныхъ,—что такое они, строго слѣдя примѣненному арх. Никономъ термину? Монахи ли ужъ это? Все это какіе-то утилитаристы, гуманисты, альтруисты, словомъ ничтожные подѣльщики. Да и было ли ужъ у насъ на Руси настоящее монашество до арх. Никона?!

Что здѣсь мы нисколько не навязываемъ арх. Никону своихъ сужденій, что благотворительность для инока по его мнѣнію дѣйствительно есть „подѣліе“ въ смыслѣ уклоненія отъ главнаго предмета, его жизнедѣятельности, или отступленіе отъ настоящаго дѣла, этого не скрываетъ онъ и самъ, заявляетъ прямо, рѣшительно, не останавливаясь предъ крайностями. Въ печати не разъ было выѣздано скромное пожеланіе, чтобы наши монастыри занимались тѣлесной благотворительностью. Съ подобнаго пожеланія началась и вся настоящая полемика. Арх. Никонъ усмотрѣлъ здѣсь опасность для существованія монашества; мало того—

для самой Христовой вѣры на святой Руси. По его мнѣнію то, что высказалъ г. Кругловъ, „идеаль—суррогатъ проще, поближе къ нашей обыденной жизни и дѣятельности, — конечно изъ области „добрыхъ дѣлъ“, служенія ближнему и т. п. Да, это болѣзнь нашего времени!“¹⁾ Эти люди указываютъ нашимъ обителямъ „чисто утилитарныя цѣли“²⁾. Глумясь надъ призывомъ нашихъ иноковъ къ благотворительной дѣятельности въ пользу темнаго, голодающаго и зараженаго народа, глумясь надъ призывомъ со стороны людей, которымъ монашество дорого не менѣе, чѣмъ самому арх. Никону, и конечно для вящаго убѣжденія простодушнаго читателя, онъ указываетъ въ этомъ призыва „содѣйствіе лукавымъ планамъ адскаго хитреца“, осуществленіе его грандиозной программы погубленія святой Руси. Почтенный о. архимандритъ знакомить читателей Душеполезнаго Чтенія съ однимъ „пунктикомъ“ этой программы, полученнымъ вѣроятно отъ собственнаго корреспондента и гласящимъ буквально слѣдующее. „Зададимъ побольше такъ называемыхъ добрыхъ дѣлъ монахамъ въ духѣ гуманизма, альтруизма и самаго благонамѣреннаго утилитаризма; заставимъ ихъ понемногу сократить свои несносныя долгія службы; почаще будемъ указывать имъ на западныхъ монаховъ, на ихъ „полезную“ дѣятельность, вдохновляемую побужденіями тщеславія, честолюбія и корысти (—какъ будто чистое созерцаніе въ большей степени предохраняетъ инока отъ тщеславія и честолюбія?!); поставимъ въ невозможность заниматься келейною и умною молитвою; дадимъ всѣ возможные способы къ самооправданію; удалимъ отъ нихъ возможность всякаго уединенія и вниманія къ себѣ; пусть они постепенно забудутъ вовсе свой идеалъ; а затѣмъ мы и совсѣмъ обмѣршимъ ихъ и побѣдимъ этотъ передовой отрядъ Христовой воинствующей церкви!.. Только бы пошли они на эту удочку“³⁾... Этотъ „пунктикъ“ изъ статьи арх. Никона характеризуетъ его полемическіе пріемы. Ни г. Кругловъ, ни писавши за нимъ и за него люди, никто рѣшительно не говорилъ объ отвлеченіи иноковъ отъ мо-

¹⁾ Октябрь, 195.

²⁾ Январь, 109.

³⁾ Февраль, 355.

литвы, никто не желалъ, чтобы въ иноческомъ добродѣланіи былъ элементъ языческой безбожной благотворительности—этого намъ полемистъ не докажетъ точными выдержками. Все это ему только „послышалось“ въ статьяхъ противниковъ и вмѣсто того, чтобы себя провѣрить, онъ возвелъ на нихъ такое обвиненіе!.. Они говорили только, что иночъ можетъ совмѣстить благотворительную дѣятельность съ заботами о спасеніи своей души, они призывали монашество только къ такому служенію, которое по ихъ мнѣнію совмѣстимо съ его задачами и не исключается молитвенцемъ по-дvigомъ, какъ это ясно и точно заявилъ г. Кругловъ. Гдѣ же тутъ содѣйствіе адскому плану? Однако можетъ быть они содѣйствуютъ духу злобы безсознательно и невольно? Но страннымъ было бы не только говорить печатно, но и думать келейно объ этомъ. Адскій хитрецъ съ своимъ лукавымъ планомъ на нашъ взглядъ очень глупое и навѣжественное существо. Еслибы собираясь погубить святую Русь чрезъ побѣду надъ „передовымъ отрядомъ церкви“—монашествомъ (почему же однако не надъ іерархіей, которая безспорно выше монашества?), онъ заглянулъ въ его исторію, то увидалъ бы ясно, что вѣнчнее добродѣланіе не погубляло, а вело на небо истинныхъ подвижниковъ, которые спасались „смѣшной постыдью съ милостынею“, а братіи предписывали со тщаніемъ прилежать милостынѣ. Рѣшительно ничего больше того не сказали и современные публицисты, съ которыми воюетъ арх. Никонъ. Пусть же послѣ этого онъ самъ сдѣлаетъ по отношенію къ древнерусскимъ подвижникамъ тѣ выводы, которые неизбѣжно слѣдуютъ изъ его диковиннаго пунктика!..

Арх. Никонъ изображаетъ намъ идеального православнаго иноха *святымъ эгоистомъ*. Западный монахъ по его представлению и въ своихъ идеалахъ, и въ гуманitarной дѣятельности грѣшнѣй альтруистъ. А наше сужденіе такое. Истинный христіанскій подвижникъ, будь онъ православный или католикъ (въ данномъ случаѣ это безразлично), долженъ быть *святымъ альтруистомъ*. „Рачитель милостыни, кормитель нищихъ, нагимъ одежда, страннымъ и безкровнымъ тихое пристанище, сиротамъ и вдовицамъ теплый заступникъ, болѣющимъ въ множѣхъ недузѣхъ врачъ и скорый посѣтитель, печальнymъ утѣшеніе, плачущимъ радость, обидимымъ по-

собникъ, безпомощнымъ помощникъ, должностнымъ искупитель и рабомъ свобододатель”—вотъ тогъ истинный идеалъ инока, который намъ завѣщала благочестивая русская древность. Именно эти стороны въ личности святыхъ и описываются въ нашихъ древнихъ житіяхъ болѣе подробно, живо и жизненно, тогда какъ подвиги ихъ личнаго аскетизма отмѣчаются кратко и обычно шаблонной житійной фразой. Переведите его, этотъ идеалъ сердобольнаго святого на современный научный языкъ, обобщивъ въ одномъ терминѣ, и вы получите: христіанскій подвижникъ — альтруистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. О людяхъ же, слѣдующихъ древнерусскимъ подвижническимъ идеаламъ, арх. Никонъ выражается такъ: „увлекаются утилитарными, гуманитарными, альтруистическими идеалами нашего времени“ ¹⁾; заподозриваетъ ихъ православіе, приравнивая къ католикамъ, чуть не обзываєтъ слугами сатаны!

Небольшое и притомъ неподобающее отступленіе... Нашъ читатель, если онъ знакомъ съ „Душеполезнымъ Чтеніемъ“ и иѣкоторыми изданіями, родственными ему по духу и по плоти, можетъ усомниться въ самой умѣстности употребленнаго нами термина—„альtruистъ“. Но пусть отложитъ онъ свои сомнѣнія. Вѣдь слово „альtruизмъ“ давнымъ давно вошло въ семинарскіе учебники, одобренные Св. Синодомъ ²⁾). Изгонять его изъ употребленія, о чемъ такъ хлопочетъ Душеполезное Чтеніе и родныя ему охранительныя газеты, не значить ли быть православнѣе самого Святѣйшаго Синода, или же въ неудержимомъ стремлѣніи назадъ, отставать даже отъ старыхъ семинарскихъ учебниковъ! Философски настроенный умъ, „умъ высокій“ можетъ усмотреть въ нашей ссылкѣ на примѣръ благотворителей—подвижни-

¹⁾ Мартъ, 543.

²⁾ Священника Маркова. Обзоръ философскихъ учений. Одобрено въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарий. Изд. 2-е Москва 1881 года. Определивъ въ текстѣ значеніе термина альтруизмъ, а также и противоположнаго ему „эгоизму“, подъ строкою составитель дѣлаетъ такое примѣчаніе въ защиту интересующаго насъ термина: „этотъ терминъ впервые введенъ въ употребленіе Огюстомъ Контомъ и долженъ бытьдержанъ, какъ точно соотвѣтствующій противоположенному термину—„эгоизмъ“, стр. 200. Ср.: Преосв. Антонія Волынскаго. Полное собраніе сочиненій, III, 357—358. примѣчаніе.

ковъ призывъ къ служеню „человѣко-богу“, вмѣсто служенія „Бого-человѣку“ и найти „тонкую подмѣну православно-русскаго идеала монашества идеаломъ западнымъ“. А не проще ли будетъ видѣть на этомъ, для нашего монашства обязательномъ, примѣръ прямое исполненіе словъ Христовыхъ: „*взлкахся и дасте Мя ясти, возжадахся и напоисте Мя: страненъ бѣхъ и введосте Мене... боленъ и постыдисте Мене*“? Странно въ самомъ дѣлѣ, даже болѣе чѣмъ странно говорить, что точное исполненіе тѣхъ словъ, съ которыми обратится Господь въ день судный къ „сущимъ одесную“, т. е. къ святымъ, что исполненіе этихъ то самыхъ словъ и можетъ помѣшать чьему либо спасенію?!.. Говорить такъ не значить ли изъ христианскаго учрежденія, каково монашество, дѣлать нѣчто совершенно чуждое и даже противное Евангелію?..

V.

Виды монашеской благотворительности. — Помощь голодающимъ.—Уходъ за больными мірянами. — Монастырская богадѣльни въ древней Руси. — Богадѣльни-монастыри (монастыри не настоящіе и приписные). — Монастыри-богадѣльни (Переславскій Даниловъ монастырь).—*Призрѣніе покинутыхъ дѣтей.*—Помощь народу во время эпидемій.—Оправданіе уставами ухода иноковъ за больными.—Школы при монастыряхъ.—Запрещенія иноку учить дѣтей.—Религиозно-нравственное учительство.—Духовничество монаховъ (древнее и теперешнее).—Миссионерство иноковъ и миссионерские монастыри.—Печалованіе и обличеніе.—Иноческій досугъ.—Созерцательное монашество.—Безмолвіе (сужденіе о немъ св. Исаака Сирина и возврѣнія арх. Никона).—Нестяжательность.—Споръ о ней въ древней Руси.—Арх. Никонъ о монашеской „нестяжательности“: частная собственность монаха, житейскія нужды.—Стяжательность монастырей.—Украшеніе монастырскихъ храмовъ.—Монастырская торговля.—Къ какому же монашескому направленію отнести возврѣнія арх. Никона?—Частная землячанія.—Вышее призваніе инока.—„Неожиданный союзникъ“ арх. Никона.—Сочувственныя письма.—О нападкахъ на монашество.—Объ основаніяхъ для возврѣній арх. Никона.—Арх. Никонъ и заповѣдь преп. Сергія.—*Заключеніе:* безобидныя назиданія.

Свойство принципіальной точки зреїнія арх. Никона на благотворительность иноковъ таково, что удержаться на ней до конца, не сдѣлавъ никакихъ уступокъ, не допустивъ компромиссовъ, невозможно, ибо результатомъ такой послѣдовательности были бы выводы явно безнравственные и безчеловѣчные. Послѣдовательныхъ приверженцевъ чисто со-

зерцательного идеала знаетъ исторія. Удалившись въ пустыню для молитвы, они не хотѣли пускать къ себѣ даже заблудившихъ и умиравшихъ отъ голода странниковъ. Они были послѣдовательны и съ своей точки зрѣнія правы, потому что присутствіе посторонняго человѣка въ ихъ кельѣ мѣшало ихъ главному занятію—молитвѣ, однако святые подвижники также созерцательного направленія осуждали подобную жестокость и безчувственность. Компромиссъ необходимъ. Не избѣжалъ его и арх. Никонъ. Онъ неоднократно утверждаетъ, что и виѣшняя благотворительность монастырей „въ возможной мѣрѣ не отрицается имъ“. Такъ самъ собою возникаетъ вопросъ о видахъ благотворительности, допустимыхъ для инока.

Около вопроса о видахъ иноческой благотворительности вращается вся полемика о монашествѣ. Послѣ соображеній, которыя были вызсканы арх. Никону его первыми противниками, онъ долженъ былъ взять назадъ или ограничить свое первое заявленіе, что всякое добродѣланіе не дѣло монаха. Есть такіе виды благотворительности, осуществленіе которыхъ никоимъ образомъ не могутъ мѣшать современному иноку молиться. Сюда относится напримѣръ ручная милостыня. Идетъ монахъ на обѣдъ, ему встрѣчается голодная старуха, просящая подаянія. Ну, долго ли сунуть ей въ руку мѣдный пятакъ? Обязательность для иноковъ этого вида благотворительности арх. Никонъ конечно не откажется признать. Вопросъ такимъ образомъ только въ томъ, известны ли исторіи такіе виды монашеской благотворительности міру, которые бы по необходимости лишили иноковъ досуга и заставляли нарушать монашеское правило о молитвѣ?

Въ нашемъ историческомъ очеркѣ читатель встрѣчать уже такіе виды благотворительности древнерусскихъ подвижниковъ и монастырей. Намъ остается только сгруппировать разсѣянныя черты въ примѣненіи къ современному монашеству.

У г. Круглова есть жестокія слова противъ современныхъ русскихъ монастырей: „*во время эпидемій и голода монастыри не проявили большой активной дѣятельности*“. Можно было ожидать, что апологетъ монашества—арх. Никонъ въ своей статьѣ, сопровождавшей замѣтку г. Круглова, внимательно

остановится на этомъ сильномъ упрекѣ, брошенномъ нашему монашеству, что онъ разскажетъ намъ, какъ въ голодъ 1891—92 гг., посѣтившій 20 русскихъ губерній, монастыри отворили свои житницы, тратили послѣднія крохи, кормили народъ, призрѣвали дѣтей; назоветъ новаго Іосифа, который бы направлялъ правительственную власть противъ жестокосердыхъ скунщиковъ хлѣба, а свое обличительное слово противъ тѣхъ „охранителей устоеvъ“ и „друзей народа“, которые замалчивали голодъ, писали, что его нѣть, что голодъ выдумали неблагонадежные люди, что мужикъ (лѣнтий, пьяница и попрошайка) только притворяется, что ему нечего єсть, что въ деревнѣ неспокойно, однимъ словомъ противъ тѣхъ людей, которые сознательно или безсознательно, но такъ радикально повредили дѣлу народнаго продовольствія въ тяжелую зиму 1901—1902 года. Почему арх. Никонъ не написалъ ничего подобнаго? Отчего онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ словъ г. Круглова о голодѣ, хотя тотъ говорить о немъ дважды? А потому, мы думаемъ, что г. Кругловъ совершенно правъ въ своемъ упрекѣ, потому что современный русскій монастырь доказалъ событиями голоднаго года, что онъ стоить не на той высотѣ, на какой стоять подъ руководствомъ древнихъ подвижниковъ и на которой долженъ бы стоять всегда. Изъ пѣсни слова не выкинешь! Въ голодный годъ, когда миллионы русскаго крестьянства обращали къ имущимъ свое нищенское „Христа ради“, кто услышалъ и отозвался на него? Кто пошелъ въ голодную и зараженную деревню открывать столовыя, ясли для дѣтей, ухаживать за больными—развѣ монахи? Нѣть, не они. Если скажутъ, что монаху нельзя оставлять монастырь, то мы попросимъ назвать намъ тѣ обители голодавшихъ губерній, которая бы поступили такъ, какъ поступали въ свое время монастыри преподобныхъ игуменовъ—Кирилла Бѣлоозерскаго, Пафнутия Боровскаго, Іосифа Волоцкаго, Корнилія Комельскаго, Даніила Переславскаго? Скажутъ: самъ голодающій народъ не шелъ къ монастырямъ, какъ ходилъ въ древнее время, а мы спросимъ, почему онъ забылъ объ этомъ, отвыкъ отъ того и почему его не позвали, не напомнили? Боимся ошибиться, но кажется все участіе нашихъ монастырей въ помоши народу выражилось тогда въ денежной жертвѣ, притомъ незначительной

не сравнительно съ грандіознымъ бѣдствіемъ, а со средствами монастырей. Формы помощи голодающимъ — выдача муки или печенаго хлѣба, кормленіе народа или столовыя, призрѣніе дѣтей или ясли очень стары; онѣ извѣстны уже Иосифу Волоколамскому. Но кто теперь окказалъ народу помошь въ этихъ формахъ? Люди нецерковные; среди нихъ были не только далекіе, но и враждебные церкви и монашеству. Они то и услышали имя Христово и пошли помогать безпомощному народу, все выносящему въ своей „покорной угнетенности и безнадежной скорби“. Пусть обзоветъ арх. Никонъ этихъ благодѣтелей презрительными именами альтруистовъ, благотворителей — язычниковъ! Ихъ извѣстныя имена навсегда останутся въ исторіи голоднаго года рядомъ съ упрекомъ современному монашеству. И напрасно почтенный о. архимандритъ употребляетъ здѣсь пріемъ, который въ старой риторикѣ назывался „фигурой умолчанія“. Это пріемъ, невыгодный для полемики...

Впрочемъ есть у монастырей средство поправить дѣло, отвести отъ себя тяжелый упрекъ свѣтскаго публициста, полагаемъ единственное и самое вѣрное средство: подражая примѣру, древнихъ русскихъ подвижниковъ и монастырей, взять на себя дѣло помощи народу во время голодовокъ, признать своюю святою обязанностью помогать въ нуждѣ тому, на гроши котораго живутъ сами, только накормить кормящихъ ихъ. Вѣдь крестьянское хозяйство у насъ находится въ такомъ состояніи, что можно ждать повторенія голодовокъ со всѣми ихъ ужасами — тифомъ, цингою и куриною слѣпотою. Много могли бы сдѣлать монастыри для народа въ грядущіе тяжелые годы. Намъ возразятъ: гдѣ же монастырямъ взять средствъ для борьбы съ необъятнымъ бѣдствіемъ? напомнятъ, что древнерусскій монастырь, на примѣръ котораго мы ссылаемся, былъ крупный землевладѣлецъ и богатый хозяинъ; житницы его были полны. Положимъ это правда, но только отчасти. Часто древнерусскій монастырь кормилъ голодающихъ еще въ то время, когда у самого то было очень мало запасовъ, на первыхъ порахъ своего возникновенія — „малыми брашны препитаše людіе мнози“, при жизни своего святого основателя, рука котораго, „яко рѣка многоводна и тиха струями“, была обращена къ нуждающимся. И развѣ отказъ помогать голодному можно

оправдать тѣмъ, что не въ состоянії накормить его досыта? Вѣдь это значило бы повторить безразсудныя слова волоколамской братії противъ преп. Іосифа: „Како селико (столько) народа прекормити покупающе? Безразсудна сія милость“. При томъ же отъ монастыря мы требуемъ въ этомъ случаѣ сдѣлать не больше того, чѣмъ сколько онъ можетъ сдѣлать. Наконецъ требуемъ и не одной материальной помощи, а той общей нравственной пользы, какую онъ долженъ, если впрочемъ можетъ при настоящемъ состояніи, внести въ это дѣло. Въ извѣстной книжкѣ „Въ голодный годъ“ описана печальнойной извѣстности „Лукаяновская исторія“, которая только не въ такихъ рѣзкихъ формахъ повторялась вѣроятно во многихъ голодавшихъ уѣздахъ: это неумѣніе взяться за дѣло помощи, бесплодная борьба между разными вѣдомствами, поставленными къ этому дѣлу (особенно со стороны администраціи), политика замалчиванія бѣдствія, какъ голода, такъ и эпидеміи тифа (!), все то, что прикрывало позорное равнодушіе къ бѣдствію,—въ то самое время, когда растерянный народъ не зналъ, кто же ему долженъ помочь. Какой превосходный моментъ для людей, отрекшихся отъ міра, его связей и политики, похристіански посмотрѣть на дѣло, небоязненно сказать обличительное слово тѣмъ, кому слѣдовало, попечаловаться за народъ предъ имущими власть и помочь ему сколько можно изъ своихъ средствъ, какъ обличали, печаловались и помогали подвижники древней Руси и какъ не дѣлаютъ этого теперешніе монахи. Мы не хотимъ сказать, что монастыри должны стать непремѣнно органомъ продовольственного дѣла, не желаемъ, чтобы его эксплоатировало въ этихъ цѣляхъ правительство. Но мы рѣшительно утверждаемъ, что въ голодные годы монастыри не могутъ отказываться отъ частной благотворительности и иноніи должны работать на пользу бѣдствующаго народа, если для нихъ имѣютъ значеніе примѣры древнихъ подвижниковъ и ихъ завѣты, если они помнятъ съ боязнью осудительное слово Господа сущимъ ошуюю: „взлкахся и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене... боленъ и не постыщите Мене“.

Великія опасности для иноческаго дѣланія усматриваєтъ арх. Никонъ въ открытіи монастырскихъ больницъ для мірянъ. То онъ съ ужасомъ сообщаетъ о проектѣ г. Круглова пре-

вратить монастыри въ больницы, хотя почтенному публицисту и на умъ не приходило этого¹⁾; то утверждается, что заводить благотворительная монастырская учрежденія значитъ ломать иноческіе уставы и извращать монашескіе идеалы²⁾; то пророчествуетъ, что въ такомъ случаѣ не видать намъ ни Серафимовъ Саровскихъ, ни Амвросиевъ Оптинскихъ—„ибо погаснетъ въ обителяхъ тотъ духъ, который одинъ только можетъ воспитать ихъ“³⁾; то не признаетъ ухода за больными въ числѣ обязанностей инока, который не можетъ отдаваться весь впышнему служенію хотя бы и болящему ближнему⁴⁾. Больница для мірянъ должна испортить монастыри: она будетъ „уголкомъ міра въ монастырѣ“⁵⁾, она превратить монастырскую братію въ братьевъ милосердія⁶⁾. Насмѣшливо сообщаетъ арх. Никонъ о томъ описаніи гибели дѣтей и вымираніи болѣющаго нашего народа, которое онъ прочиталъ въ статьяхъ арх. Евдокима, говоря, что тотъ такъ трогательно изображаетъ человѣческія бѣдствія, какъ будто желаетъ вызвать иноковъ изъ стѣнъ монастыря за ворота, чтобы тамъ всецѣло отдать себя служенію ближнему, стать „какими то странствующими братьями милосердія“⁷⁾. И послѣ всего этого по логикѣ, для насы непостижимой, арх. Никонъ заявляетъ, что онъ не противъ больницъ при монастырѣ, только бы онъ не содѣствовали нарушенію молитвенного правила иноковъ⁸⁾. Не такъ судили по данному вопросу лучшіе иноки древней Руси, поученія

¹⁾ Октябрь, 200.

²⁾ „Если иноки будутъ слѣдовать своему идеалу такъ, какъ подобаетъ, то для нихъ не примѣнимо будетъ учрежденіе больницъ... Оно только еще далѣе отодвинетъ ихъ отъ идеала“ (январь, 119).

³⁾ Октябрь, 206.

⁴⁾ „Не виѣшимъ служеніемъ, хотя бы и больнымъ... иѣть, а личнымъ нашимъ подвигомъ мы, иноки, обязаны послужить спасенію близкихъ“ (февраль, 342). „У монаха есть свое дѣло неэтмѣнное, а больница требуетъ всего себя отдать; вѣдь отъ больного нельзѧ уйти цѣлыми сутками“ (январь, 111).

⁵⁾ Январь, 113.

⁶⁾ „Тогда (при существованіи больницъ) намъ пришлось бы совсѣмъ забыть идеалъ монашества, превратиться въ разнаго вида братьевъ милосердія“ (февраль, 339).

⁷⁾ Февраль, 350.

⁸⁾ Январь, 112.

которыхъ служать откликомъ словъ Евангелія. „Чадо! наставляетъ старецъ ученика: алчущаго накорми, жаждущаго напой, нага одежи и *больного постыти* и донеси имъ потребная и къ темницѣ дойди и виждь бѣду ихъ“ ¹⁾). Въ иноческомъ поученіи братіи общежительного монастыря даются наставленія: „учити ненаказанныя, утѣшати печальныя и тщивыя (малодушныхъ) и *служисти больныи* и ноги святыхъ умывать и страннымъ братомъ печаловати“ ²⁾.

Ар. Никону извѣстны исторические примѣры при монастыряхъ больницъ, но онъ онь считаетъ исключениемъ, которого нельзя возводить въ общее правило (—такова больница при Кіево-Печерской обители) или же дѣломъ прямой неотложной необходимости, какъ больница для богомольцевъ на Соловецкомъ островѣ ³⁾). Но очевидно арх. Никонъ мало знаетъ исторію отечественнаго монашества, если говоритъ такъ. Примѣръ Печерского двора для нищихъ и больныхъ не исключение. Вѣдь Печерскій монастырь старѣйший въ Руси, всѣ древніе монастыри отъ него переняли уставъ и строй жизни. А примѣръ Троицкой лавры, которая выстроила на Подолѣ богадѣлью для лежней и посыпала служить больнымъ своихъ монаховъ? Можетъ быть и этотъ фактъ, по отношенію къ которому арх. Никонъ считаетъ „удобѣ молчаніе“, —исключение, нисколько не обязательное для другихъ обителей?.. Корнилій Комельскій строить богадѣльню вѣдь монастыря на покой нищимъ и страннымъ, преп. Іосифъ Волоколамскій—малый монастырь съ богадѣльней вблизи своего главнаго монастыря. Здѣсь сами иноки ходили за больными, умѣя соединить подвижничество съ дѣломъ милосердія ⁴⁾). Преп. Даніилъ Переславскій подбиралъ больныхъ за монастыремъ и лечилъ ихъ въ своей кельѣ. Въ самый монастырь онъ принималъ тѣхъ бѣдныхъ больныхъ, которыхъ навезли ему изъ окрестностей.

¹⁾ Ркп. Соловецкаго м-ря, № 56, л. 203 об.

²⁾ К. И. Невоструева, Иноческія поученія матеріалы для исторіи р. церкви I, 141.

³⁾ Октябрь, 200—201; февраль, 337.

⁴⁾ Была еще при монастырѣ Макарія Калязинскаго „страннопріимца“, въ которомъ жилъ убогій, увѣчный, получившій чудесное исцѣленіе (Житіе преп. Макарія, Ркп. Вол. В—ки, № 632, л. 157). Это тоже нечто вродѣ богадѣльни.

Какъ чумы, арх. Никонъ боится превращенія монастырей въ благотворительныя учрежденія, а между тѣмъ онъ долженъ знать, что въ древней Руси не было строгой границы между монастыремъ и богадѣльней. При приходскихъ церквяхъ селъ и городовъ поселялись слободкой нищіе, значительную часть которыхъ составляли больные, старые, увѣчные, вообще, „богадѣльные люди“; кормились они, ходя по міру, увѣчные и больные—приносимымъ подаяніемъ мірянъ. Нѣкоторые изъ нихъ принимали постриженіе. Такая слободка, стоящая обычно на церковной землѣ, близъ храма, называлась монастыремъ. И такихъ монастырей на святой Руси было гораздо больше, чѣмъ монастырей въ собственномъ смыслѣ, о которыхъ знаетъ исторія. Цѣлыми гнѣздами выростали они при крупныхъ монастыряхъ, въ которые стекалось много нищелюбивыхъ богомольцевъ и изъ которыхъ они получали милостыню. Сама Троицкая лавра окружена была монастырками-богадѣльнями¹⁾. Настоящая богадѣльня Троицкой Лавры при Введенской церкви называется „богадѣльнымъ монастыремъ“, или монастыремъ богадѣльней. Но возможно ли по мнѣнію арх. Никона даже самое объединеніе понятій „монастырь“ и „богадѣльня“? Такъ богадѣльня въ древней Руси превращалась въ монастырь. Но возьмемъ слова „божедомскую обитель“ преп. Дашила, которая не была филіальной или подчиненной какому нибудь — большому монастырю, а представляла совершенно самостоятельный монастырь. Что она такое: монастырь или богадѣльня? Арх. Никонъ долженъ сказать, что это уже монастырь, пре-

¹⁾ Въ Кормовой книжѣ 1592 г. сказано, что когда по князю Юрію Ивановичу Дмитровскому бываетъ кормъ на Троицкую братію, тогда „раздаются пять рублей нищимъ-старицамъ и старцамъ вкругъ монастыря милостыни: къ Покрову на Хотково, да къ Пречистой подъ Сосну (въ Подесенье), да Клементьевскимъ старицамъ, да Благовѣщенскимъ старицамъ, да Зубачевскимъ старицамъ, да Дерюзинскимъ старицамъ, да Шараповскимъ старицамъ“. Здѣсь очевидно смѣшаны старицы—черноризицы со старицами—нищими, жившими милостынею при подмонастырскихъ сельскихъ церквахъ, замѣчаетъ іером. Арсеній. Оказывается изъ другихъ источниковъ, что рѣчь здѣсь о старицахъ описанныхъ богадѣленныхъ монастырковъ: въ Благовѣщенъ упомянуто „пять келей, въ нихъ живутъ нищіе, питаются о церкви Божії“, тоже и въ Шараповѣ: въ Дерюзинѣ „одиннадцать келей, а въ нихъ живутъ нищіе“. *Іеро.и. Арсеній*, Село Клементьево Ч. О. II. и Др. 1887, кн. II, стр. 13, прим.

враченій въ богоадѣлью съ забвеніемъ прямого иноческаго назначенія, съ извращеніемъ монашескаго идеала, съ ломкою устава, съ обращеніемъ монастырской братіи „въ какихъ то“ тамъ братьевъ милосердія, съ угашеніемъ истинаго духа христіанскаго подвижничества и т. д., и т. д. Пусть онъ это скажетъ о преп. Даниилѣ Переславскомъ! Больнику можетъ построить только тотъ монастырь, который стоитъ на необитаемомъ островѣ, разсуждаетъ арх. Никонъ. Но столъный Киевъ XI в., Троицкая Лавра XV—XVII стол. или Переславль-Залѣсскій при жизни преп. Даниила, развѣ это похожи на Соловки?

Въ исторіи голода, описаннаго въ житіяхъ преп. Іосифа, есть характерная подробность — *призрѣніе покинутыхъ дѣтей*. Подвижникъ подбираетъ отрочатъ, которыхъ оставили голодающіе родители, помѣщаетъ ихъ въ страннопріимницѣ, потомъ строить для нихъ даже особый домъ при монастырѣ и какъ родной отецъ „питаше сія чада, яже не породи“. Подобные случаи извѣстны также изъ житій Кирилла Бѣлоозерскаго и Корнілія Комельскаго. И въ этомъ ничего нѣть неожиданнаго: сиротъ дѣтей монастыри призирали еще въ IV в. Вопросъ о призрѣніи при монастыряхъ дѣтей, которыхъ также покидаютъ родители и которые гибнутъ въ воспитательныхъ домахъ, былъ поднятъ въ настоящей полемикѣ. Арх. Евдокимъ пишетъ, что много гибнетъ такихъ дѣтей (какъ много же вымираетъ у насъ народа отъ необезпеченности, невѣжества и всякой безпомощности) и заканчиваетъ свою рѣчь словами: „не убійцы ли мы ихъ отчасти?“ Арх. Никонъ смѣется. „Странное обвиненіе, не правда ли? Вотъ до чего можно договориться, сойдя съ почвы, на которой единственно и возможно было разсужденіе“¹⁾). Да, читатель, вотъ до чего можно договориться и надъ чѣмъ насмѣяться, разсуждая отъ собственного разума, забывая или даже не зная, что призрѣніе при монастыряхъ покинутыхъ дѣтей, которымъ грозить смерть, освящено примѣрами истинныхъ подвижниковъ Христовыхъ и ихъ уставами.

„Охраненіе народнаго здравія... Но развѣ появилась чума, холера или черная смерть? О, конечно, тогда пусть всѣ ино-

¹⁾ Февраль, 338.

ки обратятся въ братьевъ милосердія, всѣ монастыри въ больницы и пристанища несчастнымъ. Но слава Богу: пока этого нѣтъ. О чемъ же рѣчъ?“¹⁾ Такъ отвѣчалъ арх. Никонъ г. Круглову на призывъ иноковъ помагать народу во время эпидемій. Неожиданныя рѣчи! Арх. Никонъ не чувствуетъ, что написавъ эти строки совершенно разрушилъ то, что съ такимъ трудомъ и усилиемъ сооружалъ и согласился на все то, что отрицалъ съ такимъ азартомъ. Когда случится эпидемія, всѣхъ иноковъ по его мнѣнію должно обратить въ братьевъ милосердія, всѣ монастыри въ больницы. Прекрасно. Ну а если рѣчъ зайдетъ о такихъ заразныхъ болѣзняхъ, какъ напр. сифилисъ или чахотка, отъ которыхъ страдаетъ наша Русь? Почему же для борьбы съ ними не соглашается арх. Никонъ сдѣлать братьевъ милосердія изъ иноковъ и больницы изъ монастырей? Вѣдь смерть для больного также смерть, что отъ холеры и чумы, что отъ сифилиса и чахотки, а страданій при послѣднихъ вѣроятно больше, такъ какъ самыя болѣзни продолжительнѣе. Вѣдь и со стороны интересовъ цѣлаго государства неизвѣстно еще, что тяжелѣе, убыточнѣе, — пронесшаяся ли ураганомъ одинъ разъ въ четверть вѣка эпидемія и уложившая сразу миллионъ, или хроническая заразная болѣзнь, ежегодно вырывающія сотни тысячъ и грозящія со временемъ стать еще губительнѣе, потому что онъ безпрепятственно распространяются и въ нашей деревнѣ и среди городского пролетаріата. „О чемъ же рѣчъ?“ спросимъ мы арх. Никона. Никакихъ нѣтъ препятствій, если быть только послѣдовательнымъ, превратить иноковъ въ братьевъ милосердія и монастыри въ больницы и сейчасъ. Но дѣло въ томъ, что арх. Никонъ самъ оказался непослѣдовательнымъ. Съ точки зрѣнія его идеала, который онъ называетъ возвышеннѣйшимъ, гораздо послѣдовательнѣе было бы обратное разсужденіе: монастыри не обязаны никогда помогать болѣющимъ мірянамъ. И пусть простить насть почтенный о. архимандритъ, но его торжественное обѣщаніе за все русское монашество и за всѣ русскіе монастыри мы не можемъ принять серьезно. Оно нисколько не соотвѣтствуетъ всему тому, что самъ же онъ писалъ объ уходѣ иноковъ за больными,

¹⁾ Октябрь, 196.

не соотвѣтствуетъ и тому, какъ отнеслись наши монастыри къ народному бѣдствію недавняго холернаго года.

Читатель можетъ подумать, что мы хотимъ превратить монастыри въ богадѣльни и въ воспитательные дома, навязать инокамъ „новыя послушанія“, не предписанныя православнымъ уставомъ, измѣнить самые монашескіе обѣты и, заразившись духомъ „гнилого запада“, угасить духъ православнаго иночества. Но пусть не подумаетъ этого нашъ читатель. Мы только утверждаемъ, что можно соединить съ иночествомъ безъ малѣйшаго для него ущерба подвигъ ухода за больными мірянами и за беззащитными дѣтьми, что высочайшее дѣло христіанскаго милосердія никоимъ образомъ не можетъ разрушать строй христіанскаго монастыря; утверждаемъ наконецъ, что говорить противное значить извращать идеалы Евангелія, а вслѣдъ за нимъ и идеалы монашества. Оправданіе своихъ положеній можемъ мы найти и въ древнихъ монашескихъ уставахъ и въ житіяхъ восточныхъ подвижниковъ¹⁾. Небезъинтересная черта, характеризующая полемические приемы арх. Никона. Онъ увѣряетъ: „И почему эти „новыя“ послушанія (между прочимъ больницы) *не вошли въ уставы*, въ основные такъ сказать кодексы монастырской жизни до сего времени“²⁾? Провѣримъ. Обращаемся къ *уставу Василія Великаго*. Вопросъ 155 Правиль Краткихъ гласитъ: „поелику мы, которые *прислуживаемъ больными въ страннопріимномъ доилѣ*, научены прислуживать имъ съ такимъ расположениемъ, какъ бы служили братіямъ Господнимъ; то, если принимающій отъ насъ услуги, будетъ не таковъ, — какъ должны мы къ нему относиться?“ Если это неубѣдительно, найдемъ въ Правилахъ Пространныхъ отвѣтъ 7, гдѣ говорится, какъ о *заповѣди общежительного монастыря*, „о посѣщеніи больного“³⁾. Страннопріимный домъ, гдѣ ходятъ иноки за больными, развѣ это не тоже, что монастырская больница для мірянъ? Заповѣдь братству монастыря—развѣ это не послушаніе? И вотъ, несомнѣнно зная уставъ законоположника христіанскаго монашества,

¹⁾ См. статью священника Н. П. Доброравова, печатающуюся въ Моск. Церк. Вѣдомостяхъ „Уходъ за больными въ древнемъ христіанствѣ“. Здѣсь собрано достаточно фактовъ ухода за больными мірянами и со стороны древнихъ подвижниковъ востока.

²⁾ Яварь, 108.

³⁾ Твореній V, 262, 105.

почтенный архимандритъ увѣряеть читателей... Вѣдь его читатели и почитатели вѣрятъ ему на слово, не справляясь вѣроятно въ уставахъ. Мало этого. Они читаютъ и зачитываются его статьями, приходятъ въ наивный восторгъ отъ такой „защиты“ православнаго идеала монашества и въ редакцію Душеполезнаго Чтенія шлютъ свои простодушно-сочувственныя письма. Бѣдные, довѣрчивые читатели и почитатели „душеполезнаго“ журнала!

Допустимо ли *участіе иноковъ въ народномъ образованіи*, въ религиозно-правственномъ просвѣщеніи народа *посредствомъ школы?* Конечно допустимо. Мы видѣли, что благотворительность есть непремѣнная обязанность нашихъ монастырей. А просвѣщеніе народа есть именно особая форма благотворительности, притомъ несомнѣнно самая плодотворная форма ея. Потому и бѣденъ нашъ народъ, что онъ темный, безграмотный,—таковъ результатъ, къ которому пришли въ большинствѣ своемъ мѣстные комитеты, недавно совѣщавшіеся о нуждахъ нашей деревни, таковъ голосъ русской земли о своей большой нуждѣ. И если у монастырей есть средства и люди для поддержанія школъ, они должны стоять при монастыряхъ. Того требуетъ наше время, когда великій русскій народъ пріобщается просвѣщенію, какъ выражался, кажется, покойный Рачинскій. Средства у монастырей несомнѣнно теперь есть, а люди скоро будутъ, разъ будетъ сознана задача. Намъ кажется, школа поможетъ повышенію уровня образованія и среди самихъ иноковъ. Въ древней Руси обители были очагами если не просвѣщенія, то книжности. А въ настоящее время, когда грамота идетъ и въ глухую деревню, похвально ли содѣйствовать тому, чтобы монастыри превратились въ очаги невѣжества?

Къ оправданію школъ при монастыряхъ слѣдовало бы прийти даже и въ томъ случаѣ, если бы не было никакихъ историческихъ прецедентовъ. Но прецеденты есть. Уставъ Василія Великаго предписываетъ принимать дѣтей спроть, а также и по волѣ родителей, помѣщать ихъ въ особомъ домѣ за монастыремъ, учить грамотѣ и воспитывать подъ руководствомъ ипока „учителя мірскихъ дѣтей“ и надежнаго падзирателя также изъ иноковъ¹⁾. Но эти дѣти принимались не для общаго

¹⁾ Прав. прости. 15 вопр. Твор. V, 119—121. Прав. кратк. 53 вопр. V, 182—183; вопр. 292, стр. 330—331.

воспитанія, а для приготовленія къ монашеству. Однако указанный фактъ не единственный. „Изъ житія Пахомія видно, читаемъ мы у преосв. Феофана въ его книгѣ „Древніе иноческіе уставы“, что дѣти воспитывались при монастыряхъ. Цѣль воспитанія ихъ была не единственно та, чтобы они потомъ были монахами, хотя и это могло быть; но чтобы воспитать ихъ въ страхѣ Божіемъ и истинномъ благочестіи, научивъ ихъ притомъ грамотѣ, письму и рукодѣліямъ. Это видно изъ обстоятельствъ жизни преп. Пахомія, гдѣ поминается о дѣтяхъ“¹⁾). При монастырѣ преп. Феодора Студита было училище, потому что въ его „Монашескихъ эпитетіяхъ“ упомянутъ „учитель дѣтей“, очевидно инокъ²⁾). Русское монашество, устроенное по студійскому уставу, не могло въ принципѣ отрицать возможности учрежденія школъ при монастыряхъ. Извѣстны случаи, когда въ древнерусскихъ монастыряхъ или у иноковъ обучались дѣти. Преп. Евфросинія Полоцкая береть въ монастырь свою сестру Городиславу, „да научится грамотѣ“. Родители отпускаютъ ее только затѣмъ, но подвижница противъ ихъ воли постригаетъ свою сестру въ монашество³⁾). Очевидно обычай обучать дѣтей по крайней мѣрѣ въ женскихъ монастыряхъ былъ въ древней Руси. Встрѣчаются подобные факты и относительно мужскихъ монастырей. О преп. Госифѣ Волоцкомъ извѣстно: „егда бысть сей отрокъ седми лѣтъ, родителіе его даша на обученіе грамотѣ во обитель Воздвиженія честнаго креста Господня старцу честному именемъ Арсенію, пореклу Леженкѣ“⁴⁾). При миссіонерскихъ монастыряхъ (о которыхъ рѣчь ниже) устраивались и цѣлые школы для обученія дѣтей новокрещенаго края.

Однако намъ укажутъ на прямые запрещенія допускать дѣтей въ монастыри для обученія грамотѣ, вызванныя въ древней Руси распространениемъ пристрастійъ нравственныхъ пороковъ въ темной монашеской массѣ. Запрещенія эти намъ

¹⁾ Названной книги стр. 144.

²⁾ Migne. P. Gr. XCIX, col. 1745, прав. 96: „περὶ τοῦ βιβλίου τῶν παιδῶν“.

³⁾ Житіе преп. Евфросиніи, Пам. стар. р. литер. IV, 175.

⁴⁾ Житія, 4—5. Въ Исторіи Татищева есть рядъ извѣстій объ училищахъ при древнихъ монастыряхъ. Но Е. Е. Голубинскій опровергаетъ эти извѣстія самымъ рѣшительнымъ образомъ. Исторія I, 1, 870—880.

извѣстны. „Внимай себѣ, говорить иноческое поученіе глубокой русской древности, съ дѣтищемъ не дружися, не сѣди съ нимъ, ни стой, паче же единъ... ни книгамъ ихъ не учи“ ¹⁾. Преп. Евфросинъ Псковскій въ своемъ Уставѣ предписываетъ: „дѣтей малыхъ не пріимати во обитель, еже учiti ихъ книгамъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ допускать въ число монастырскаго братства „голоусовъ“, т. е. молодыхъ, безбородыхъ ²⁾). Іосифъ Волоколамскій безусловно воспрещалъ пускать отрочать въ монастырь за какимъ бы то ни было дѣломъ, напр. нишихъ за полученіемъ подаянія, разносчиковъ для торговли. Согласно съ возврѣніемъ одного древняго патерика, подвижникъ убѣждень: „злѣйши бо суть женъ отрочата на инокы“ ³⁾). Однако говорить ли это рѣшительно противъ самого принципа служенія иноковъ народу участіемъ въ его просвѣщеніи, противъ желательности и возможности школъ при монастыряхъ? Нѣть, это ограничиваетъ только примѣненіе принципа къ жизни, не больше.

Рѣшительныя указанія арх. Никона на опасности, происходящія отъ дѣтей-школьниковъ для монастырей, странныы въ виду того, что на дѣлѣ въ современныхъ обителяхъ дѣти и отроки допускаются, хотя и въ иныхъ цѣляхъ. „Голоусовъ“ мы видимъ во множествѣ среди послушниковъ. Дѣти служатъ монастырю въ его хорахъ, въ мастерскихъ и типографіяхъ, которыми завѣдуютъ монахи. Неужели это соприкосновеніе съ дѣтьми и голоусами сопровождается теперь въ монастыряхъ тѣми послѣдствіями, которыхъ боится арх. Никонъ отъ наличности школы при монастырѣ?!.. Если же нѣть, то непонятно, почему соприкосновеніе монаха съ дѣтьми въ мастерской нисколько не вредитъ нравственности монаха, а занятія съ нимъ въ школѣ представляетъ чрезвычайную опасность. На нашъ взглядъ отмѣченная опасность ужъ не такъ велика и не настолько неустранима. Вѣдь Василій Великій, этотъ законодатель православнаго монашества, рекомендовалъ же монастырямъ принимать дѣтей-спи-

¹⁾ Матеріалы для исторіи рус. церкви, I, 159—160.

²⁾ Ркн. Вол. Б-ки, № 632, л. 446.

³⁾ *Духовное Завѣщаніе*, сл. 9 Вел. Ч.-Минеи, 9 сент., 544—546 стб. Припомнимъ кстати настойчивое зацрепленіе Стоглава держать „голоусыхъ робятъ“ по кельямъ...

роть и держать до такого возраста, когда они будутъ въ состояніи сознательно принять постриженіе. Воспитатель и учитель къ этимъ дѣтямъ выбирались изъ братіи, разумѣется, послѣ испытанія. Если скажутъ, что эти дѣти готовились къ иноческому званію, то вѣдь опасность отъ присутствія дѣтей вблизи монастыря зависитъ вовсе не отъ того, къ чему они готовятся... Тоже слѣдуетъ сказать и о дѣтяхъ въ Тавенскомъ монастырѣ Пахомія и въ обители Феодора Студита. Но для лучшихъ иноковъ обращеніе съ дѣтьми не могло бы доставить ничего иного, кромѣ высокаго нравственнаго наслажденія. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что Аврамій Смоленскій и Даниилъ Переславскій принимали на исповѣдь и дѣтей, состояли ихъ духовными отцами. А духовничество по понятіямъ древней Руси — только особая форма религіозно-нравственного учительства. Въ нашемъ посадѣ живеть преданіе, что преп. Сергій очень любилъ дѣтей. Дѣти собирались къ нему и подвижникъ ласкалъ ихъ, дарилъ игрушки, которая самъ же вырывалъ изъ дерева. Такъ и возникъ по преданію въ Сергіевскомъ посадѣ игрушечный промыселъ. Вотъ желательныя отношенія хорошаго инока къ дѣтямъ. А тотъ монахъ, котораго смутилъ отрочата, какъ смутили они въ свое время волоколамскаго инока Андрея Квашнина „пореклу Невѣжа“, — пусть уходитъ отъ соблазна въ такую обитель, которая не захочетъ имѣть школы за своими стѣнами. Мы склонны думать, что монастыри востока и древней Руси страдали болѣе отъ противоестественныхъ пороковъ, чѣмъ настоящіе, и что правила, которая приходились выше, вызванныя условіями времени, потому самому и не соблюдаются въ настоящее время. Почтенный о. архимандритъ полагаетъ, что опасность эта не миновала и теперь у насъ. Не смѣемъ оспаривать его въ этомъ: ему лучше нась извѣстны нравы современаго монашества. Но если монахи не могутъ служить дѣлу народнаго образованія своими людьми, пусть служатъ ему своими средствами съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы средства эти не только не были отчуждаемы у церкви, но и у самого монастыря. Наконецъ, монахини? Онѣ лишены физической возможности владѣть въ грѣхи, предусмотрѣнные правилами о недопущеніи дѣтей въ монастыри. Почему же не учреждать женскихъ школъ при женскихъ обителяхъ? А вѣдь монахинь у

насъ больше, чѣмъ монаховъ. Остается сказать, что школы отняли бы у монаховъ досугъ, необходимый для молитвы, но обѣ этомъ поговоримъ ниже¹⁾.

Церковная школа есть одинъ изъ видовъ религіозно-нравственного учительства. Отрицая желательность ея при монастырѣ, какъ же смотрить арх. Никона на другія его формы? Онъ считаетъ инока свободнымъ отъ религіозно-нравственного учительства среди мірянъ въ той же мѣрѣ, какъ и отъ благотворительныхъ заботъ о нихъ. Онъ пишетъ: „да, мы должны благовѣствовать законы Христовы, говорить о Христѣ Спасителѣ день и ночь, но не словомъ, а дѣломъ, примѣромъ, личнымъ подвигомъ“²⁾. Но эти слова идутъ совершенно вразрѣзъ съ воззрѣніями преп. Феодосія, отца русского монашества, и со всей исторіей послѣдняго. Преп. Феодосій говорилъ князю Святославу: „Се намъ (инокамъ) подобаетъ обличати и глаголати вамъ (мірянамъ), еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо бы послушати того“. И эти слова можно считать программой для нашего древняго монашества. Великій подвижникъ заботился не только о душахъ порученного ему стада черноризцевъ, но и о спасеніи мірскихъ людей, особенно же о дѣтяхъ своихъ духовныхъ. Часто ходилъ онъ въ ихъ дома для бесѣды, еще чаще принималъ у себя, не жалѣя тратить свои подвижнические досуги. Многіе послѣдующіе подвижники состояли духовниками у мірскихъ людей, принимали на исповѣдь дѣтей, общеніе съ которыми запрещалось въ древней Руси, и женщины, не боясь того, что отъ жены „мнихъ растлится и въ небытіе бываетъ, сирѣчъ умираетъ душею и погибаетъ яко прахъ“, по выражению древнерусского отшельника. *Духовничество* было едвали не самой распространенной формой учительности со стороны древнерусского монашества. И это понятно: то была его историческая привилегія. *Духовничество* и вообще

¹⁾ Статьи арх. Никона вынуждали бы насъ говорить здѣсь обѣ „ученомъ монашествѣ“ (см. февраль, 344—346). Но мы обойдемъ этотъ вопросъ, такъ какъ наша справка изъ исторіи древне-русского монашества не даетъ никакихъ оснований для сужденій обѣ этомъ новомъ сравнительно у насъ явленіи. Да и рѣтомъ же среди литературиыхъ противниковъ арх. Никона есть лица, которыхъ гораздо ближе, чѣмъ иасъ, касается указанный вопросъ.

²⁾ Февраль, 342.

дисциплина тайной исповѣди развились въ монастырѣ путемъ явленій, которыя едвали совмѣстны съ возрѣніями арх. Никона на монашество. Онъ повидимому проповѣдуетъ полный индивидуализмъ спасенія: пусть каждый спасается самъ по себѣ въ полномъ одиночествѣ. Но такое пониманіе спасенія (если только такъ понимаетъ его арх. Никонъ) осуждается самыми основами монашеской жизни. Извѣстно, что съ самаго древняго времени въ монашествѣ возникъ институтъ старчества, который существуетъ и теперь, искони лежалъ и долженъ лежать въ основѣ всего монастырскаго строя. Но старчество несоединимо съ такими возрѣніями на дѣло иноческаго спасенія. Отношенія старца и ученика вяѣшнимъ образомъ выражаются сожитіемъ въ одной кельѣ, что нарушаетъ полное одиночество подвижника. Внутреннимъ образомъ ихъ отношенія характеризуются неразрывнымъ союзомъ душъ, совершеннымъ подчиненіемъ ученика старцу, какъ раба господину, и полной отвѣтственностью старца за грѣхи послушника, принятіемъ его души на свою душу и его грѣховнаго бремени на свою выю. Здѣсь мы видимъ совершенно пастырское душепопеченіе, *самоотверженное служеніе* спасенію своего ближняго, несовмѣстимое ни съ индивидуализмомъ, ни съ эгоизмомъ спасенія. Тоже самое положеніе, что старецъ въ отношеніи къ ученикамъ, занимаетъ въ общежительномъ монастырѣ игуменъ или настоятель къ братіи. Самъ арх. Никонъ пишетъ, что „*монастырское начальствование есть служеніе ближнему до полнаго самоотверженія*“¹⁾. Мы бы не съумѣли примирить этого съ „*эгоизмомъ спасенія*“.

Паstryрское попеченіе и о душѣ мірскаго ближняго, служеніе ему до самоотверженія тоже дѣло обычное для монаха. Съ IV стол., т. е. съ самаго начала монашества, можно прослѣдить развитіе учительства монастырскихъ старцевъ среди мірянъ, паstryрское душепопеченіе ихъ. Оно выражается въ назидательныхъ бесѣдахъ старцевъ съ мірскими посѣтителями или въ исповѣди ихъ. Со временемъ изъ этой старческой исповѣди мірянъ выростаетъ на востокѣ духовничество монаховъ. Приблизительно около иконоборческой эпохи инохи (какъ общежительные такъ и отшельники) совершенно

¹⁾ Февраль, 349.

завладѣли исповѣдью въ церкви. И бѣлое духовенство во-все не исповѣдовало своихъ пасомыхъ и не совершаю таинства покаянія. Это фактъ, твердо засвидѣтельствованый. Вплоть до XII стол. продолжалось такое положеніе дѣла; только въ это время канонисты (главнымъ образомъ Вальсамонъ) выяснили, что и бѣлые священники имѣютъ полное право быть духовниками. Но и въ настоящее время въ Греціи большая часть духовниковъ монахи. Что можетъ означать съ точки зрѣнія арх. Никона этотъ крупный исторический фактъ, повидимому неизвѣстный однако ему, мы не знаемъ. Но нашему читателю онъ долженъ уяснить то, почему русские инохи такъ охотно принимали на исповѣдь мірянъ; они подражали въ этомъ православному востоку.

Намъ возразятъ, что и современные монахи охотно принимаютъ мірянъ на исповѣдь, что духовничество, какъ служба міру, извѣстна и теперь нашему монастырю. Да, но во-первыхъ это явленіе уже не имѣетъ оправданія съ точки зрѣнія разбираемыхъ возврѣній, а во-вторыхъ современное духовничество нашихъ монаховъ и духовничество древнерусскихъ подвижниковъ явленія далеко несходя. Чаще всего оно ограничивается нынѣ получасовой, а то и 10-ти - минутной встречей съ міряниномъ на исповѣди,— случайная встреча двухъ людей, которые были незнакомы до исповѣди и послѣ нея совсѣмъ забудутъ другъ о другѣ. Монастырскій духовникъ работаетъ теперь въ пользу мірянъ только во время говѣній—постовъ преимущественно въ великой постѣ. Въ древности на востокѣ и у насъ на Руси вѣрующій выбиралъ себѣ извѣстнаго иноха (или бѣлаго священника) „во отечество“, тутъ принималъ его и нарекалъ чадомъ духовнымъ. Духовный отецъ былъ несмѣняемъ и вѣрующій своимъ свободнымъ выборомъ связывалъ себя по смерть духовника. Онъ былъ безусловнымъ и неограниченнымъ нравственнымъ руководителемъ духовныхъ дѣтей подобно игумену или старцу въ монастырѣ. На его душѣ лежало—быть имъ вождемъ „въ вышній Іерусалимъ“, открыть Божіе царство, привести къ престолу Божію и сказать: „се азъ и дѣти, яже ми еси далъ“. Разумѣется, исповѣдь была самымъ важнымъ моментомъ, въ которомъ проявлялось нравственное вліяніе духовнаго отца на дѣтей, но моментомъ далеко не единственнымъ. И вотъ мы видимъ,

что древнерусские духовники ходятъ къ духовнымъ дѣтямъ для бесѣдъ или призываютъ ихъ къ себѣ, руководять ими рѣшительно въ каждомъ шагѣ ихъ религіозно-нравственной жизни, устраиваютъ и дисциплинируютъ семейную и домашнюю жизнь ихъ. А вѣрующіе ничего не предпринимаютъ важнаго безъ совѣта съ духовнымъ отцемъ. И это вѣцерковное учительство духовнаго отца имѣло большое значеніе въ древней Руси. Именно съ званіемъ духовника, а не съ званіемъ приходскаго священника, соединялась у насъ учительная и пастырская обязанность духовенства. Такимъ образомъ, принимая сложныя и отвѣтственныя обязанности духовника, древнерусскій инокъ непремѣнно долженъ быть жертвовать своими монашескими досугами дѣлу спасенія мірскихъ ближнихъ,—тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онъ называлъ „чада, духомъ родимыя“.

Арх. Никонъ смотрѣть на *миссіонерство иноховъ*, какъ на исключительное призваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. А между тѣмъ эта форма служенія монашества міру дѣло также обычное, освященное примѣрами многихъ подвижниковъ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали, что для распространенія христіанства на сѣверѣ Руси монашество несомнѣнно сдѣлало гораздо больше, чѣмъ духовенство. И понятно: переносить всѣ труды апостольства гораздо удобнѣе человѣку, не связанныму семьей, отрекшемуся отъ мірскихъ родственныхъ связей, чѣмъ напримѣрь бѣлому священнику. Безъ сомнѣнія арх. Никону извѣстно, что древніе монастыри русскаго сѣвера, какъ Валаамскій, Спасо-Каменскій, Соловецкій и другіе имѣли большое значеніе въ исторіи распространенія христіанства среди окрестныхъ инородцевъ. Изъ монастырей этихъ вышли пзвѣстные миссіонеры, какъ напримѣръ Феодоритъ и преп. Трифонъ изъ Соловецкаго. Отправляясь на дѣло проповѣди Евангелія, древнерусскіе инохи обычно оставляли тѣ обители, гдѣ подвизались, и шли въ некрещенную страну. Но не забывали они того, что монастыри превосходное подспорье для миссіонерскаго дѣла и нерѣдко въ этихъ видахъ спѣшили строить ихъ среди только что крещенаго края. Безъ сомнѣнія таково происхожденіе нѣсколькихъ монастырей, построенныхъ св. Стефаномъ въ землѣ зырянъ, или обителей, устроенныхъ Феодоритомъ Кольскимъ и преп. Трифономъ Печенегскимъ. Но всего яснѣе миссіонерское, а

вмѣстъ и просвѣтительное значеніе монастыря можно видѣть на примѣрѣ св. Гурія Казанскаго. „Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Гурія въ своей (только что открытой) епархіи было основаніе и устройство монастырей съ тою именно цѣллю, чтобы иноки, не отвлекаясь житейскими попеченіями, занимались обращеніемъ невѣрныхъ и обученіемъ дѣтей. Мысли свои объ этомъ онъ изложилъ предъ государемъ (предъ Грознымъ) и просилъ его дать для содержанія устроемыхъ обителей вотчины, дабы старцамъ не было нужды самимъ работать, оратъ землю и сѣять на ней сѣмена, но „да оруть сердца людей и да сѣютъ въ нихъ сѣмя слова Божія“. Царю понравилось это намѣреніе и онъ отвѣчалъ святителю. „Благо есть сія рѣчъ ваша—саже старцамъ дѣти обучати и поганые въ вѣру обращати, то есть долгъ всѣхъ васъ. Туне есть чернѣцъ ангеломъ подобными именовати: нѣсть бо имъ сравненія, ни подобія никоегоже; а подобитися апостоломъ, ихже Господь нашъ Іисусъ Христосъ посла учити и крестити люди невѣрующіе, и се есть долгъ ваю, учити же младенцы не токмо читати и писати, но читаніе право разумѣти и да могутъ и иная научити“¹⁾). И дѣйствительно, древнѣйшіе казанскіе монастыри—Зилантовъ и Спасо-Преображенскій открывали школы для дѣтей, принимали татаръ для наученія христіанской вѣрѣ и для крещенія. Таковъ же и Свяжскій Успенскій монастырь, устроенный св. Германомъ. При обращеніи въ христіанство Астраханскаго края московское правительство очевидно воспользовалось мыслю св. Гурія о просвѣтительномъ значеніи монастыря. Подчинивъ себѣ Астраханское царство „правительство наше не сочло нужнымъ немедленно учредить тамъ особую епископскую каѳедру, а только послало туда въ 1568 г. игумена Кирилла, чтобы онъ устроилъ въ Астрахани монастырь во имя Пресвятой Троицы и святителя Николая. Въ 1573 г. въ монастырѣ этомъ было уже три храма и 25 человѣкъ братіи, кромѣ слугъ и дѣтей, вѣроятно обучавшихся грамотѣ“²⁾). Итакъ по мысли св. Гурія Казанскаго монастырь есть пре-восходное миссіонерское и просвѣтительное учрежденіе. И мы полагаемъ, что мысль св. Гурія имѣеть значеніе

¹⁾ *Преосв. Макарія*, Исторія VI, 342, Ист. р. іер. VI, 528—529.

²⁾ *Преосв. Макарія*, Тамъ же, 344 и 346.

и для нашего времени. Устройство такихъ монастырей—миссионерскихъ пунктовъ въ Сибири сильно помогло бы дѣлу насажденія христіанства, обрусьню и нородцевъ, сохраненію ихъ отъ вымирания леченіемъ отъ повальныхъ болѣзней, помошью во время голодовъ, защитой отъ безсновѣстныхъ эксплоататоровъ; но все это конечно при томъ условіи, если братія предполагаемыхъ монастырей не будетъ раздѣлять одностороннихъ возврѣній арх. Никона на монашество.

Изъ древней Руси идутъ еще два завѣта современнымъ инокамъ—*завѣтъ печалованія* за осужденныхъ и *завѣтъ обличенія* мірской неправды. Но первый завѣтъ наше монашество будетъ исполнять только въ томъ случаѣ, если проникнется задачами милосердія; второй—обличеніе властей и богачей вмѣсто пресмыкательства предъ властью и богатствомъ—оно исполнить только тогда, когда вспомнитъ свои забытые уставы и станетъ не тѣмъ, что оно есть, а тѣмъ, чѣмъ должно быть.

Однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ противъ больничной, школьнай и отчасти благотворительной дѣятельности инока служать для арх. Никона *соображенія объ иноческомъ досугѣ*. Время нужно монаху прежде всего для церковной молитвы и никоимъ образомъ невозможно дозволить ему какое-нибудь послабленіе во имя напримѣръ ухода за больными или подобнаго... „подѣлья“. Думаемъ, что это положеніе требуютъ большихъ ограниченій.

Въ общежительныхъ монастыряхъ есть должностъ больничныхъ старцевъ, обязанныхъ ходить за больными иноками. Ихъ мы встрѣчаемъ и въ древнерусскихъ монастыряхъ, напримѣръ въ Печерскомъ и Троице-Сергіевомъ. Безъ сомнѣнія ихъ приходилось освобождать отъ постоянныхъ церковныхъ службъ, когда въ монастырѣ были тяжко больные или умирающіе. Но разъ отъ церковныхъ службъ освобождали больничныхъ старцевъ ради больного инока, то почему же не освобождать ихъ и для больныхъ мірянъ? Преп. Сергій заповѣдалъ инокамъ ходить за больными бѣдняками и можетъ быть самъ посѣщалъ больныхъ. Въ книгѣ *самого же арх. Никона*, „Житіе и подвиги преп. Сергія“ изображенъ подвижникъ посѣщающимъ больныхъ, а въ объясненіи къ рисункамъ сказано: „св. игуменъ ходитъ

за больными“¹⁾). Во Введенской богадельнѣ за больными мірянами ухаживали сначала монахи Троицкой обители, а потомъ вѣроятно иноки Пятницкаго Подольнаго монастыря. Неужели преп. Сергію и троицкимъ инокамъ XV—XVI в. не было извѣстно, что время монаху нужно прежде всего для церковной молитвы? Неужели такое простое соображеніе, что нельзя въ одно время быть у постели больного и въ церкви, не приходило имъ на разумъ? Что на это скажетъ арх. Никонъ? — По уставу Василія Великаго должностъ завѣдующаго сиропитательницей, т. е. надзирателя за дѣтьми, предоставляется иноку. Въ томъ же уставѣ, а также въ монастырѣ преп. Феодора Студита мы встрѣчаемъ инока же „учителя (мірскихъ) дѣтей“. Какимъ образомъ тотъ и другой — надзиратель и учитель совмѣщали педагогію съ иночествомъ, мы не знаемъ. Но какъ-то совмѣщали. — II благотворительность, даже организованная, сложная и многосторонняя возможна въ монастырѣ. Евфросинъ Псковскій съ братіей, этотъ „желѣзный съ желѣзными“, развѣ онъ ограничивалъ благотворительную дѣятельность обители, вводя строжайший уставъ о церковной молитвѣ? Нисколько. Его монастырь одинаково славился и продолжительными церковными службами и широкой благотворительностью. Такимъ образомъ всѣ соображенія относительно монашескаго не досуга на добрыя дѣла не имѣютъ ни малѣйшей доказательной силы. Всѣ эти ариѳметическія выкладки относительно монашескаго дня, который мы встрѣчаемъ въ статьяхъ арх. Никона, а равно и его противниковъ, можно зачеркнуть и бросить. Древнерусскіе подвижники хотѣли творить добро людямъ и находили для этого время. Современные монахи не находятъ для этого времени, потому что изсякла у нихъ самая потребность добротворенія, потому что они... „святые эгоисты“.

Строго созерцательное монашество вовсе не рѣдкость на востокѣ въ древности. Припомнимъ хотя бы исихастовъ Аеона или знакомаго съ Аеономъ нашего Нила Сорскаго и его школу. Это была просвѣщенная широко терпимая монашеская партія, съ которой такъ безцеремонно раздѣлялись въ свое время стоявшіе у власти юсифляне. Еслибы за-

¹⁾ Назв. книги, 3-яго изд. 136 и 262 стр.

волжцы, какъ партія, просуществовали подольше, несомнѣнно они внесли бы новую струю въ церковную жизнь своего времени. И теперь пусть живеть на Руси, растеть и процвѣтать созерцательное монашество, но только не порицая и не отрица монашества Сергія и Феодосія.

Теперь посмотримъ, въ какомъ же отношеніи стоять идеалы арх. Никона къ ученію бѣлоозерцевъ объ иноческомъ совершенствѣ? Мысли, высказанныя современнымъ полемистомъ, болѣе всего напоминаютъ намъ возврѣнія Нила Сорского. Тотъ же созерцательный идеалъ монашества, тоже исключительное преобладаніе молитвы, хотя не церковной, а „умной“, та же идея полнаго отреченія отъ міра, сходныя сужденія объ иноческой милостынѣ. Но этимъ и кончается сходство. Арх. Никонъ слѣдуетъ преп. Нилю только до этого пункта. Да и въ указанныхъ сторонахъ сходство болѣе словесное, вѣнѣніе, чѣмъ внутреннее, существенное. Это ясно мы увидимъ, если всмотримся въ отношеніе истинно-христіанскаго созерцательного монашества къ дѣламъ милосердія.

Совмѣстимо ли монашеское созерцаніе съ дѣлами благотворительнаго служенія міру? Мы думаемъ, совмѣстимо. Отношеніе инока-созерцателя къ міру характеризуется обычно двумя главными чертами, которыя у нашихъ древнихъ аскетовъ обозначаются терминами: *безмолвіе*—удиненіе, свобода отъ суеты, происходящей отъ обращенія съ людьми и отъ бесѣдъ съ ними (рѣдко *безпопеченіе* — свобода отъ житейскихъ заботъ), и *бестяжаніе* (чаще *нестяжаніе*) — свобода отъ собственности. Первымъ терминомъ однако очень часто характеризуется состояніе созерцанія вообще, какъ цѣлое此刻. „Безмолвіе“ значитъ созерцаніе, „безмолвникъ“ — созерцатель. И вотъ послушаемъ, какъ учитъ о безмолвії въ отношеніи къ вѣнѣніи благотворительности Исаакъ Сиринъ, великий созерцатель подвижникъ, творенія которого повѣли и остались замѣтны слѣдъ на писаніяхъ Нила Сорского¹⁾. „Однажды укоренъ былъ нѣкій братъ, что не подалъ милостыни; и онъ свободно и смѣло отвѣчалъ укорившему его: „монахамъ не поставлено въ обязанность подавать милостыню“. Но укорившій возразилъ (т. е. ограни-

¹⁾ См. изслѣдованіе проф. А. С. Архангельскаго, Нилъ Сорскій и Васіанъ Патрикіевъ, СПБ. 1882, I, 166—169.

чиль его огульное заявление): „Виденъ и явенъ тотъ монахъ, которому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо не поставлено тому, кто съ открытымъ лицемъ можетъ сказать Христу, какъ написано: *се мы оставихомъ вся и зельдъ Тебе идохомъ* (Ме. XIХ, 27) ¹⁾, т. е. кто ничего не имѣеть на землѣ, не занимается тѣлеснымъ, не помышляетъ ни о чёмъ видимомъ, не заботится о какомъ-либо пріобрѣтеніи, но если кто и дастъ ему что, беретъ только нужное на потребу, а что сверхъ потребности, ставить то ни во что и живеть какъ птица. Таковому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо какъ можетъ давать другому отъ чего свободенъ самъ?“ „*Но кто развлекается дѣлами житейскими, собственнымими своими руками работаетъ и самъ беретъ у другихъ, тотъ тѣмъ паче обязанъ подавать милостыню. И если не радиъ ему о милостыни, то немилосердіе это есть противление Господней заповѣди. Ибо если кто не приближается къ Богу втайну, и не умѣеть служить ему духомъ, но не заботится о дѣлахъ явныхъ, которыя возможны для него, то какая еще будетъ у такового надежда пріобрѣсти себѣ жизнь? Таковый несмысленъ*“. Въ дальнѣйшихъ словахъ св. Исаакъ безмолвіе ставить выше милостыни и отрицаєтъ, какъ обязанность монаха, физической трудъ его ²⁾. Изъ этихъ и дальнѣйшихъ словъ св. Исаака видно, что онъ считаетъ свободными отъ благотворительной обязанности только такихъ монаховъ, которые живутъ вдали отъ людей, ничего не имѣютъ, не пріобрѣтаютъ собственности своимъ трудомъ и не принимаютъ мірскихъ приношений, т. е. такихъ монаховъ, которые „живуть какъ птицы“ и не имѣютъ физической возможности благотворить ближнему. Но наше современное монашество живеть въ такихъ условіяхъ, что развлекается житейскими дѣлами, пріобрѣтаетъ деньги отъ своихъ трудовъ, а еще больше отъ приносовъ. И если арх. Никонъ старается освободить его отъ тѣлеснаго милосердія, чтобы не воспрепятствовать подвигамъ созерцанія, то ясно, что онъ впадаетъ въ то заблужденіе, которое осуждается св. Исаакъ, какъ „немилосердіе и противление заповѣди Господней“. Безмолвіе преп. Исаакъ считаетъ высшимъ

¹⁾ Эти слова приводитъ и преп. Нилъ, какъ мы видѣли выше (Б. В. мартъ, 561).

²⁾ Исаака Сиринъ, Творенія, слово 14, стр. 62—64.

состояніемъ подвижника, но не отрицаешь при немъ и общехристіанской обязанности милосердія какъ внутренняго, такъ и виѣшняго. Въ другомъ мѣстѣ творенії ¹⁾ онъ рѣшаетъ такой вопросъ: „Почему Господь нашъ для уподобленія нашего величію Отца Небеснаго назначилъ намъ милосердіе, инооки же предпочитаютъ милосердію безмолвіе?“ и даетъ такой отвѣтъ: „Входимъ мы въ споръ о милосердіи, но не стараемся обратить оное въ ничто, какъ нѣчто излишнее. И мы инооки чтимъ безмолвіе, не исключая милосердія, а стараемся, сколько возможно, удаляться отъ попеченія и мятежа“, стараемся предаваться безмолвію, но не тогда, когда въ насъ есть нужда. „Если же когда на извѣстное время будеть необходимая какая потребность въ насъ братіямъ, не должно нерадѣть объ оной. Посему будемъ непрестанно по-нуждать себя во всякое время *внутренно* быть милосердыми ко всякому разумному естеству. Ибо такъ внушаетъ намъ учение Господне и въ этомъ, а не въ чёмъ-либо пустомъ, состоять отличие нашего безмолвія. И надо не только сохранять это *внутреннее* наше милосердіе, но когда призываютъ самыя обстоятельства дѣлъ и нужда, не вознерадѣть и о томъ, чтобы доказать любовь свою явно“. Особенно касается это тѣхъ инооковъ, которые предавали себя безмолвію неполному и временному. Даже и въ періодъ безмолвія они „не удерживаютъ себя отъ дѣлъ милосердія къ ближнему; развѣ кто крайне нечувствителенъ, жестокъ и безчеловѣченъ и держится безмолвія лицемѣрно и напоказъ. Знаемъ, что безъ любви къ ближнему умъ не можетъ просвѣщаться Божественною бесѣдою и любовью“. Формы виѣшняго милосердія иноока ко всякому человѣку—мірянинъ онъ или иноокъ—ясно указаны въ дальнѣйшихъ словахъ св. отца. „И какой мудрый монахъ, имѣя у себя пищу и одѣяніе и видя ближняго своего алчущимъ и обнаженнымъ, не отдастъ ему того, что имѣеть, но сбережетъ что-либо изъ этого? Или еще кто, видя, что человѣкъ единой съ нимъ плоти изнуренъ болѣзнию, бѣдствуетъ отъ изнеможенія и имѣеть нужду въ призрѣніи, изъ любви къ безмолвію правило затвора предпочтетъ любви къ ближнему?... Если ничего у себя не имѣемъ, не дозволяется намъ ввергать себя въ попеченія и мятежи ради нищихъ, а если

¹⁾ Тамъ же, 249—252.

что имѣеши, требуется отъ насъ это“. Иночю — созерцателю не слѣдуетъ оставлять келью свою и мѣсто отшельническаго пребыванія затѣмъ, „чтобы кружиться по міру, посѣщать больныхъ и проводить время въ подобныхъ дѣлахъ“, потому что это было бы переходомъ отъ высшаго къ низшему. „Если же кто живетъ въ обществѣ многихъ и близъ него есть люди, на самомъ мѣстѣ пребыванія его съ ними, и трудами другихъ упокоевается во время здоровья или болѣзни; то и самъ обязанъ дѣлать тоже, а не выставлять на видъ ложнаго своего безмолвія, такъ чтобы самому вовремя требовать себѣ отъ другихъ успокенія, но какъ скоро увидитъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ сына плоти своей, носящаго на себѣ одинъ съ нимъ образъ, лучше же сказать, увидитъ поверженаго и страждущаго Христа,—удаляться и скрываться отъ него. Всякий таковыи не милосердъ“. Эти слова опять таки прямо относятся къ нашему современному монашеству, которое, живя рядомъ съ міромъ и на его счетъ, отказывается само служить ему. Слова эти опровергаютъ арх. Никона, который старается оправдать этотъ ненормальный порядокъ съ точки зреянія созерцательнаго монашества. Далѣе у святого отца идетъ опроверженіе той аргументаціи, которую пускали въ ходъ эти ложные безмолвники, несмысленные и немилосердые. „И не приводи мнѣ на память Иоанна Фиваидскаго и Арсенія, не говори: „кто же изъ нихъ употреблялъ себя на подобныя дѣла или прилагалъ попеченіе о больныхъ и нищихъ, не радиъ же о своемъ безмолвії? Тебѣ и не приблизиться къ какимъ-либо дѣламъ таковыхъ мужей. Ибо если далекъ ты отъ всякаго упокоенія и сообщенія съ людьми, какъ далеки были они, то Господь и тебѣ повелѣваетъ пренебрегать подобными дѣлами. Если же далекъ ты отъ онаго совершенства и во всякое время пребываешь въ тѣлесныхъ трудахъ и въ общеніи съ другими людьми, то почему не радиъ о заповѣдяхъ, которая должно хранить тебѣ по мѣрѣ силъ своихъ, представляя предлогъ, что проводишъ житіе великихъ святыхъ, къ которому ты и не приближался“? Архимандритъ же Никонъ именно и ссылается на примѣръ Арсенія Великаго... Но преп. Исаакъ приводитъ въ примѣръ двухъ великихъ отшельниковъ—Макарія Великаго и Агаѳона, ухаживавшихъ за больными.

Сужденія преп. Исаака въ жорнѣ подрываютъ доныислы арх.

Никона и его сторонниковъ противъ иноческаго служенія миру и лишаютъ ихъ возможности опираться на созерцательный идеалъ православнаго монашества. Арх. Никонъ называетъ путь осуществленія своего идеала „эгоизмомъ спасенія“, Исаакъ Сиринъ полагаетъ этотъ путь въ милосердіи внутреннемъ и внѣшнемъ; а то, что нашъ полемистъ зоветъ „святымъ эгоизмомъ“, святой подвижникъ именуетъ несмысліемъ и немилосердіемъ. Св. Исаакъ даже высшаго созерцателя обязываетъ питать голоднаго и лечить больного, если обстоятельства требуютъ того; арх. Никонъ даже рядового инока освобождаетъ отъ этихъ дѣлъ христіанскаго милосердія. Далѣе: идеаломъ, къ которому приближаются только исключительные подвижники и среди подвижниковъ великихъ, арх. Никонъ оправдываетъ свободу отъ внѣшняго добродѣланія инока вообще и современаго нашего монашества въ частности; онъ ссылается и на примѣръ Арсенія Великаго, которому Господь сказалъ: „*Арсеній! бѣгай отъ людей и спасешься*“¹⁾). Но Исаакъ Сиринъ какъ разъ осуждаетъ такую аргументацію—ссылаясь на великій примѣръ Арсенія, до котораго конечно не дошло наше монашество въ своемъ большинствѣ. Одинъ изъ сторонниковъ арх. Никона заявлялъ: „*идеалъ важнѣе всего*“. Это правда. Но нельзя, приглашая человѣка взойти на верхнюю ступень лѣстницы, запретить ему вступать на посредствующія. (Мы разсуждаемъ здѣсь съ точки зрѣнія созерцательнаго монашества). Будеть ложью сказать, что эти среднія ступени ведутъ внизъ отъ идеала, тогда какъ онъ ведутъ вверхъ, къ высшей цѣли, къ самому идеалу и никоимъ образомъ не могутъ быть обойдены. Вынимая изъ лѣстницы эти среднія ступени, мы лишили бы возможности дойти и до верху, приблизиться къ идеалу, загородили бы прямой къ нему путь людямъ, ищущимъ пути спасенія. Какъ известно, споръ поднялся о современномъ русскомъ монашествѣ въ цѣломъ, которое не осуществляетъ общехристіанской обязанности милосердія и далеко даже отъ приблизительнаго выполненія устава. Люди, сочувствующіе этому учрежденію, изъ желанія поднять его нравственно указали ему ближайшую

¹⁾ Достоп. сказанія, рус. пер., изд. 4. СПБ. 1871, стр. 17 ср. Душепол. Чт., октябрь, 207.

ступень — милосердіе въ разныхъ его проявленіяхъ—единственno надежный путь приблизиться къ идеалу. Мы раньше видѣли, что своимъ призывомъ они только повторили завѣтъ древнерусскаго дѣятельнаго монашества нашему современному, теперь же ясно, что не разошлись они и съ истиннымъ созерцательнымъ монашествомъ, которое предполагаетъ милосердіе, какъ путь къ идеалу и любовь къ ближнему, какъ средство „просвѣщенія ума Божественною бесѣдою и любовью“. А на нихъ закричали: „вы принижаете идеалъ, подмѣниваете на западно-католической, забываете, что идеалъ всего важнѣе“. Чего же хотятъ эти люди? Чтобы инокъ сталъ совершенствомъ, а монашество хорошимъ, не исполнивъ дѣломъ заповѣдей Господа? Это значитъ, по нашему мнѣнію, что идеаль ихъ безжизненный, отвлеченный, искаженный идеаль созерцательного монашества, который можетъ вести своихъ послѣдователей только внизъ, а не вверхъ; по выражению св. Исаака онъ служитъ только предлогомъ къ нерадѣнію о заповѣдяхъ Господа.

Теперь обращаемся къ древнѣйшимъ русскимъ безмолвникамъ. „Пустыннолюбцы и пустынножители“, удалявшіеся „единствовать безъ всякаго человѣка“, уходили только отъ мятежа мірскаго, а не отъ исполненія заповѣди о любви къ ближнимъ. Немного было такихъ отшельниковъ и безмолвниковъ у насъ въ древней Руси, какъ Павелъ Обнорскій, а между тѣмъ своему монастырю въ уставѣ онъ предписываетъ благотворительность. Другой ученикъ преп. Сергія, удалявшися временно безмолвствовать, имя котораго носить почтенный о. архимандритъ, преп. Никонъ Радонежскій въ предсмертномъ поученіи своемъ много говорилъ о „безмолвіи, матери добродѣтелемъ“, а потомъ „о человѣколюбіи слово приложи“ и далъ заповѣдь нищелюбія. Вообще безмолвники или созерцатели древней Руси не считали уединеніе инока полнымъ освобожденіемъ его отъ обязанностей служить мірскимъ ближнимъ.

Вторая черта отношеній созерцательного монашества къ миру—*нестяжательность*. Вопросъ о нестяжательности былъ предметомъ горячихъ споровъ въ эпоху борьбы юсифлянъ съ бѣлоозерцами; разное его рѣшеніе являлось одной изъ главнѣйшихъ „нелюбокъ“, создавшихъ вражду партій (о монашеской же благотворительности упоминалось только въ

связи съ этимъ кореннымъ вопросомъ). Дѣло здѣсь шло не о личной собственности монаховъ: для людей, давшихъ обѣтъ нищеты, ее нельзя оправдать ни съ какой точки зре-
нія—ни съ практической, ни съ созерцательной. „Монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все имъ прина-
длежащее да утверждается за монастыремъ“ — такъ гласить для всѣхъ обязательное въ правила Двукратнаго собора, отри-
цающее частную собственность инока. И по уставу Василія
Великаго въ монастырѣ должно быть общеніе имуществъ,
какое было въ первенствующей церкви, когда *ни единъ же
что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти* (Дѣян. IV, 32).
Монахъ, помышляющій имѣть частную собственность, по мысли
святого отца, второй Іуда, который „начавъ кражею—*ибо личная
собственность есть кража*—оканчиваетъ предательствомъ“, „замышляетъ хищеніе—потому что пріобрѣтать въ собствен-
ность что бы то ни было и откуда бы ни было есть хищеніе—а
потомъ отступленіе и отдѣленіе“ ¹⁾). И бѣлоозерцы и юсиф-
ляне строго держались этого основного правила. Они оста-
вались на высотѣ идеала индивидуальной нестяжательности
иноковъ. Но церковные уставы и монастырю въ цѣломъ не
разрѣшаютъ безграничнаго стяженія. „Да не скопиши зо-
лота въ монастырѣ твоемъ, но избытокъ всякаго вида да
раздаешь нуждающимся въ воротахъ двора твоего, какъ дѣ-
лали святые отцы“—такъ пишетъ преп. Феодоръ Студитъ
въ своемъ „Завѣщаніи игумену“. Правило отрицаєтъ позво-
лительность накоплять въ монастырѣ избытокъ всякаго вида
и предписываетъ раздавать нищимъ то, что остается отъ
удовлетворенія самыхъ скромныхъ иноческихъ потребно-
стей. Вотъ ясныя и бесспорныя требованія иноческой
христоподобной нищеты. И въ сущности лучшіе монастыри
и лучшіе люди обѣихъ партій исполняли это требование
устава, только каждая партія по своему. Юсифляне считали
дозволительнымъ монастырю скоплять богатства „избытки
всякаго вида“, но почему и зачѣмъ? а потому и затѣмъ,
чтобы быть ему крупнымъ благотворителемъ народа. И по-
движеніки этой партіи: самъ Юсифъ, его учитель Пафнутий,
Корнилій, Даніилъ, какъ это мы и видѣли, строго и точно

¹⁾ Краткихъ правилъ вопр. 85 (V т., 225). Подвижническіе уставы гл. 34 (V т., 424).

выполнили свой идеаль, свои обѣщанія. Они не ждали, пока церковная власть потребуетъ у нихъ деньги на благотворительное дѣло (повидимому единственное условіе, при которомъ по мнѣнію арх. Никона монастырь можетъ уступать свои стяженія на дѣла благотворительности), но сами расходовали свои средства иногда до послѣдней крохи по собственной иниціативѣ, не за страхъ, а за совѣсть. Случалось даже, что и правительство въ помощи народу шло за ними! Другое дѣло бѣлоозерцы. Они дѣйствительно хотѣли избѣжать всякаго виѣшняго добродѣланія, всякой тѣлесной милостины. Но вмѣстѣ съ этимъ они требовали, чтобы самые скиты ихъ были бѣдны и ничего не имѣли, кроме необходимаго для поддержанія жизни. И ихъ нельзя не признать правыми: не имѣя излишковъ, что бы могли они раздавать нищимъ? Но и при всей своей бѣдности бѣлоозерскіе подвижники находили возможную благотворительность въ простѣйшей ея формѣ—въ видѣ страннолюбія. Дѣло понятное. Нельзя быть бѣднымъ настолько, чтобы не повстрѣчать когда-нибудь еще бѣднѣйшаго, а истинное, идеальное христіанскоѣ совершенство отрицаешь, чтобы у одного было больше, а у другого меныше.

Послушаемъ теперь, какъ судить-рядить обѣ этомъ арх. Никонъ, стоитъ ли онъ на высотѣ возвѣщенаго имъ идеала. Какъ смотрѣтъ о. архимандритъ на частную собственность монаховъ, на степень дозволительныхъ для инока удобствъ жизни, на братскую собственность монастырей? Прямо на эти вопросы арх. Никонъ не отвѣчаетъ, но для выясненія относящихся сюда возврѣній почтеннаго публициста есть достаточно косвенныхъ данныхъ въ его статьяхъ. По вопросу о частной собственности монаховъ арх. Никонъ откровенно высказался въ своемъ разсказѣ обѣ одномъ рѣдкомъ случаѣ—обѣ отреченіи неизвѣстнаго монаха отъ причитающихся ему братскихъ доходовъ. „Инокъ получилъ несчастную кружку, ту кружку, за которую такъ нерѣдко укоряютъ современныхъ монаховъ—необщежитниковъ. И вся то она за четыре мѣсяца какихъ-нибудь 20—25 р. Получилъ онъ, добродушно даже поворчалъ, что „мало нынѣ досталось“, и пошелъ къ мощамъ угодника Божія. (Связь настроеній признается непонятнай). Тамъ онъ опукаетъ ее въ монастырскую кружку—на свѣчку преподобному, и низко—до праха

земного кланяется ему, угоднику Божію, и смиренно говорить про себя: „прости мнѣ, угодниче Христовъ, что взялъ я эти деньги... Не стою я того, чтобы жить подъ кровомъ твоимъ... Твоя отъ твоихъ тебѣ припошу... Не стою я того, чтобы ъсть хлѣбъ твой... Помолись о мнѣ грѣшномъ“. Картина трогательная. Смиреніе этого инока безусловно цѣнно и его отношеніе къ собственности, судя почеловѣчески, высоко. Но посмотримъ на этотъ случай съ точки зрѣнія идеально монашеской, какъ это угодно и арх. Никону, и картина мѣняется. Вѣдь съ этой точки зрѣнія растрогавшій насъ монахъ исполнилъ только свою прямую обязанность. Ставить отказъ монаха отъ братскихъ доходовъ выше дѣлъ христіанского милосердія и всякаго служенія миру, какъ дѣлаетъ это почтенный о. архимандритъ, значитъ явно преувеличивать ¹⁾. Этотъ монахъ „сталь выше того инока который перепрыгнулъ черезъ золото — во всякомъ случаѣ ему не принадлежавшее—въ пустынѣ“ ²⁾. „Онъ отъ своего отрекся!“ восклицаетъ въ восхищенніи арх. Никонъ. Но позвольте: отъ своего онъ отрекся еще въ то время, когда стоялъ предъ святыми дверями и произносилъ иноческій обѣтъ нищеты. У монаха нѣть своего. Златоустъ говоритъ, что въ монастырѣ „никто не жалуется на бѣдность, никто не превозносится богатствомъ; это твое, а это мое,—такое раздѣленіе, низвращающее и смущающее всѣ дѣла, изгнано отсюда; все у нихъ общее: и трапеза, и жилище, и одежда. Одно тамъ у всѣхъ богатство—истинное богатство“... ³⁾. Подвигъ иноческой нестяжательности арх. Никонъ ставить превыше дѣлъ христіанского милосердія и всякаго служенія миру, а между тѣмъ, это элементарное требование монашескаго устава, непремѣнная черта иноческаго идеала. Въ Глушицкомъ монастырѣ послѣ смерти одного монаха нашли въ его кельѣ десять ногатъ (менѣе 5 рублей) и преп. Діонісій лишилъ стяжателя христіанскаго погребенія. Идеальный

¹⁾ „И вѣруемъ мы, грѣшные его собратья, что онъ—куда выше всѣхъ насъ, творящихъ милостыню явѣ, строющихъ храмы и школы, издающихъ миллионы листковъ (!), жертвующихъ на больницы и богадѣльни“... Февраль. 339—340.

²⁾ Другой разсказъ, приводимый арх. Никономъ изъ житія Феодора Едесскаго, октябрь, 209.

³⁾ *Твор. Іоанна Златоуста*, I, 97, „Слово къ вѣрющему отцу“.

монахъ не долженъ даже видѣть денегъ и знать имъ цѣпу, какъ это и разсказывается объ одномъ египетскомъ подвижнику. Монахъ богатый такое же неестественное явленіе, какъ женатый монахъ, а болѣющиій юдинымъ грѣхомъ все равно, что многосемейный! Василій Великій частную собственность монаха называетъ *хищениемъ и грабежемъ*, а арх. Никонъ удивляется, что такъ часто укоряютъ современныхъ монаховъ необщежитниковъ за несчастную кружку! Онъ пишетъ, что на обладаніе частнымъ имуществомъ монахи „имѣютъ право“ „по законамъ современныхъ, человѣческихъ“¹⁾). Такъ вотъ гдѣ для него оправданіе частной собственности монаха—современные человѣческие законы! Съ заоблачной выси идеала о. архимандритъ вдругъ „прыгнулъ“ на самое дно неприглядной монастырской дѣйствительности. Да, тотъ скромный инокъ только исполнилъ требованіе устава. Монахи же, получающіе деньги лично „по законамъ человѣческимъ“, всѣ нарушаютъ свой уставъ и свои обѣты. Это не личная вина ихъ, а *общій беспорядокъ*, при которомъ и хорошие люди вынуждены поступать нехорошо, не по правиламъ. „Грѣшны мы (иноки), много среди насъ грѣшниковъ“, вздыхаетъ не разъ арх. Никонъ²⁾. Но не въ личныхъ монашескихъ грѣхахъ здѣсь дѣло (безъ нихъ обойтись невозможно), а въ общемъ небреженіи уставомъ, въ беспорядкѣ, при которомъ инокъ, только выполнившій уставъ, является рѣдкимъ исключениемъ, умиляющимъ о. архимандрита, заносится въ число избранныковъ Божихъ, „сокровенно обрѣтающихся въ нашихъ обителяхъ“.

По мнѣнію о. архимандрита Никона, монахъ прежде всего

¹⁾ Февраль, 340. „Вѣдь онъ перескоцилъ черезъ золото, **а** мы подбираемъ его (?); и онъ, и мы одинаково имѣемъ на то право по существующимъ законамъ современныхъ, законамъ человѣческимъ“... „Онъ дѣйствовалъ по *духу* истинныхъ монаховъ (а не по *уставу*?!), а мы—по буквѣ современныхъ узаконеній“.

²⁾ Февраль, 341; октябрь, 194: „Съ болью сердца надо сознаться... особенно *въ послѣдніе годы* въ монастыряхъ... развивается пьянство“. Оно „развивается“, если хотите знать, съ XI в. въ русскихъ обителяхъ! (См. правило митр. Иоанна II). Откровено - правдивое слово о современномъ монастырскомъ монашествѣ читатель найдетъ въ *Странникахъ*, 1903 г., мартъ, въ Обзорѣ журналовъ (482—490). Замѣтка имѣть въ виду полемику о монашествѣ, вызвавшую и эти страницы, и содержитъ немало вѣскіихъ замѣчаній о статьяхъ арх. Никона.

долженъ быть занятъ молитвой, потомъ необходимымъ подѣлѣмъ для удовлетворенія своихъ тѣлесныхъ нуждъ. Оставшееся отъ этихъ занятій время онъ могъ бы употреблять на дѣла благотворительности, но его не остается: оно уже все истрачено на дѣло и на подѣлѣе.

„Вѣдь (иноки) не ангелы, увѣряетъ своего читателя поченный о. архимандритъ въ статьѣ, гдѣ говорить исключительно объ идеалѣ иноческомъ,—имъ надобно и пищу приготовить себѣ (очевидно частнымъ образомъ?!), и одежду и печи топить, не вездѣ вѣдь духовое отопленіе — и дровеца запасти и келійку прибрать, не говоря уже о монастырскихъ: понамарь (пономарю?) церковь привести въ порядокъ и подмести ежедневно, келарь (келарю?) распорядиться обѣдомъ (вѣроятно братскимъ, общимъ?)“. Таковы житейскія занятія идеального инока по арх. Никону. Если мы правильно понимаемъ, идеальный инокъ о. архимандрита прежде всего долженъ кушать два обѣда: тотъ, который приготовить онъ самъ въ своей кельѣ, и тотъ, который подадутъ ему въ монастырской трапезѣ... Кромѣ того у его идеального инока рядъ заботъ объ одеждѣ и жилищѣ. Но сравнимъ древнерусскіе монашеские идеалы въ этомъ пунктахъ. Вотъ заботы нашего древняго подвижника о пищѣ: „бѣ ему кормля хлѣбъ и соль и питіе вода единица, и сіе въ мѣру“. Припомнимъ и слова Златоуста объ идеальномъ монахѣ: „Питіе ему вездѣ доставляютъ въ изобиліи озера и рѣки и источники, а пища для него—овощи, травы и во многихъ мѣстахъ хлѣбы“¹⁾. Подвижниковъ почитали въ древней Руси „ле честныхъ ради портъ“ и настоящій инокъ не заботился объ одеждѣ. „Самъ же ризную худость толику любя, яко единъ отъ убогихъ сый, едину одежду нося на себѣ и зимъ и лѣтъ; и отъ овчихъ жестокихъ кожъзимъ студень терпяше, а лѣтъ отъ тягости терпя“. Занимая часто мѣсто игумена въ монастырѣ, древнерусскій подвижникъ одѣвается какъ послѣдній служка,—„сирота“, за котораго со стороны его и принимаютъ. Его „многошвенная“, „сиротинская“ одежда вызываетъ насмѣшки мірянъ, а иногда и братіи. Когда она сваливалась съ плечъ подвижника и выбрасывалась за ограду монастыря, ни одинъ ницій не хотѣлъ поднять и надѣвать её. Житія, насколько

¹⁾ Твор. Гоанна Златоуста, I, 64, „Слово къ невѣрующему отцу“.

знаемъ, не упоминаютъ объ особенныхъ заботахъ подвижниковъ о своихъ жилищахъ, напротивъ повѣствуютъ, какъ нѣ-которые изъ нихъ жили даже въ дуплахъ деревьевъ... „Вѣдь иноки не ангелы“, говоритъ арх. Никонъ. О подвижникахъ же, объ инокахъ идеальныхъ, какъ разъ говорится „земные ангелы, небесные человѣцы“. „Всего скудата, всего недостатки“ — вотъ какое отношеніе къ заботамъ личнаго обихода, къ „подѣлію“, завѣщали современному монашеству древніе отцы, „въ постныхъ подвизѣхъ просіявши“. И если бы иноки нашего времени построже относились къ этому идеалу, то навѣрное остался бы у нихъ досугъ и для бого-дѣльни, и для больницы, и для школы.

Обратимся теперь къ вопросу о *собственности монастырей*. Мысль оппонентовъ арх. Никона — ипока С. П. Вей и архим. Евдокима, какъ и у древне-русскихъ полемистовъ по этому вопросу, непроизвольно движется отъ благотворительности къ средствамъ монастырей, отъ монастырскихъ имуществъ къ ихъ расходованію на дѣла благотворительности. Рѣчи арх. Никона вообще недостаточно сдержанная, начинаетъ бурлить въ тѣхъ мѣстахъ, где онъ отвѣчаетъ своимъ оппонентамъ по вопросу о стяжательности нашихъ монастырей. О. П. И-къ имѣлъ неосторожность написать, что современные наши „монастыри богаты“. Эти слова выводятъ изъ терпѣнія арх. Никона и онъ готовъ заподозрить бѣднаго петербургскаго ипока даже въ посягательствѣ на церковное имущество. „Такъ вотъ въ чёмъ дѣло. „Монастыри богаты“. Они должны отдавать свои богатства на дѣла благотворенія. Давно бы такъ и сказали. „Такъ вѣдайте же, восклицаетъ не безъ замѣтнаго волненія о. архимандритъ, такъ вѣдайте же и вы, отецъ инокъ, и ваши единомышленники, г.г. Чермаки, Черкасские и К^о, что мы готовы отдать всѣ свои капиталы, только отдать не вамъ (какъ будто объ этомъ была рѣчь! ¹⁾.

На той же самой страницѣ арх. Никонъ „дважды подчеркнулъ“, что все говоренное имъ, имѣеть отношеніе къ идеалу монашества, а дальше прибавилъ, что „идеаль на-добно прояснить въ сознаніи тѣхъ, кто долженъ къ нему стремиться“... Да проститъ же намъ о. архимандритъ, если

¹⁾ Январь, 118—119.

не соглашаясь съ нимъ въ первомъ, мы воспользуемся его приглашениемъ во второмъ.

Своими словами: „вы, напр., о. инокъ П. И. точно знаетъ, у какого монастыря какой капиталъ“, арх. Никонъ даётъ понять, что монастыри не такъ богаты, какъ о нихъ думаютъ. Безспорно, много есть бѣдныхъ монастырей на Руси, но много и богатыхъ. Вѣдь не подъ шапкой же невидимкой находятся современные иночки, вѣдь не слѣпые же люди живутъ рядомъ съ нашими монастырями!.. Помірски судя богатства монастырей можетъ быть и не такъ значительны. Стоя же на идеальной точкѣ зреїнїя, нельзя не видѣть, что на потребности братіи, если ихъ понимать помонашески, хватить и останется: вѣдь и теперь хватаетъ и остается, хотя потребности монаха и понимаются помірски. И вотъ эти то остатки монастыри обязаны расходовать на дѣла благотворенія, ибо сказано: „церковное богатство—нищихъ богатство“. Освободить себя отъ благотворительности наши монастыри могутъ только тогда, когда станутъ нестяжательными, какъ скиты древняго заволжья, а до того времени они обязаны слѣдовать приведенному правилу Феодора Студита, какъ слѣдовало ему древне-русское монашество, которое выставило цѣлый сонмъ преподобныхъ, стяжавшихъ „изрядное пищелюбіе и страннолюбіе Авраамово“. Можетъ быть читатель подумаетъ, что святые благотворители, о которыхъ далеко знали въ свое время кругомъ, были только богатые и тароватые люди? Нѣтъ, никаколько. Они „нищетою богаты“: „нищетный образъ... худостины порты“; „богатство же его, говорится о преп. Никонѣ Радонежскомъ, еже ничтоже стяжати“¹⁾). Сами подвижники жили въ послѣднемъ нестяжанїи и крайней нищетѣ и являлись только распорядителями монастырскихъ припасовъ и суммъ, чтобы безъ разсчета и разбора расточать ихъ на дѣла благотворительности къ неудовольствію экономныхъ келарей, скучыхъ казначеевъ и неизмѣнно ропущей братіи.

Проповѣдуя нестяжательность монастыря, Ниль Сорскій не допускалъ даже драгоценной церковной утвари въ монастырскихъ храмахъ. Онъ пишетъ въ своемъ Преданіи: „О украшеніи же церковномъ пишеть св. Иоаннъ Златоустъ:

¹⁾) Житіе преп. Никона, изд. М. 1646 г., л. 188.

„аще кто совѣщаетъ, хотя принести сосуды священныя серебряны или иконное украшеніе, повели ему раздати нищимъ. Никто же бо, рече, осужденъ бысть когда, о еже церкви не украшати, но и прочіи святіи тако глаголють“. Преподобная же мученица Евгенія и принесенные ей сосуды священныя серебряны не пріять, глаголющи: инокомъ не подобаетъ сребра стяжанія имѣти. Того ради *и наихъ сосуды златы и сребряны и самыя священныя не подобаетъ имѣти, такожде и прочая украшенія излишняя, но точію потребная церкви приносити*“. Изъ житія преп. Пахомія далѣе приводится соотвѣтствующее подтвержденіе. Таково возврѣніе истинныхъ созерцателей на украшеніе монастырскихъ храмовъ¹⁾.

Арх. Евдокимъ жалѣеть, что не видить кругомъ бѣдныхъ монастырскихъ храмовъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ молились древніе подвижники. Арх. Никонъ удивленъ. „Неужели вы сѣтуете, что въ обителяхъ нашихъ церкви *не убогія?*²⁾“ Признаемся, мы не понимаемъ удивленія арх. Никона. Митрополитъ Филаретъ въ нашей лаврѣ говорилъ однажды: „Прости мнѣ великая лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву... Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятой Троицы? Вошелъ бы я въ него на всеобщное бѣдніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтить чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горять тише и яснѣе свѣчи и пламень ихъ достигаетъ до неба“³⁾? Митр. Филаретъ здѣсь несомнѣнно сѣтовалъ; храмы лавры напоминали ему о забвеніи ею иноческой нищеты. Любопытно, что приведенные слова покойного митрополита самъ арх. Никонъ приводить и съ умиленіемъ въ своей книгѣ „Жи-

1) *Нила Сорского* преданіе ученикомъ своимъ. М. 1849 г. стр. 17—19. Подобныхъ возврѣній на церковное украшеніе держался и ученикъ преп. Нила Вассіанъ Патрикѣевъ (Правосл. Собес. 1863 г., III, 197 и 219).—Извѣстно преданіе, что когда Грозный собирался строить въ Сорской обители каменный храмъ вмѣсто деревянного, преп. Ниль явился ему во снѣ и запретилъ нарушать правило иноческой нищеты.

2) Февраль, 341.

3) Слово на освященіе храма надъ мощами преп. Михея, 27 Сент. 1842 года.

тие и подвиги преп. Сергія¹⁾). Развѣ не тоже самое хотѣль сказатъ и арх. Евдокимъ? И откуда это происходитъ: скажетъ митр. Филаретъ—мы умилляемся, повторить арх. Евдокимъ—мы споримъ?...

Отъ монастырской собственности прямой и естественный переходъ къ способамъ ея пріобрѣтенія. Г. Кругловъ разсуждаетъ, что занятіе въ больницѣ или школѣ—дѣло гораздо болѣе совмѣстимое съ иночествомъ, чѣмъ сидѣніе въ книжной лавкѣ или завѣдываніе монастырскими гостиницами. По мнѣнію арх. Никона лавка и гостиница вполнѣ совмѣстимы съ созерцательными идеалами иночества: онъ не мѣшаютъ иноку справно ходить къ службамъ; а „лазки въ хоропихъ обителяхъ даже закрываются на время богослуженія“²⁾. Больница, богадѣльня, школа—вотъ что мѣшаетъ молитвенному подвигу инока. Въ доказательство этого парадоксального сужденія „какъ сладко ни пиши“, а едвали удастся убѣдить кого нибудь. Иной читатель не найдется, что возразить противъ логики, но никакіе софізмы не заглушать внутренняго чувства истины. Не входя въ обсужденіе частностей, обратимся къ идеалу—вѣдь онъ „важнѣе всего“. Оба публициста не договорили здѣсь по нашему мнѣнію одного: дозволительна ли еще монастырю самая торговля? Нѣтъ, не дозволительна. Торговлю монастыря Василій Великій ставить на ряду ісъ бродяжничествомъ и корчесствомъ (—мелкая торговля по принципу: „не обманешь, не продашь“) и предписываетъ общежительнымъ монастырямъ всѣми мѣрами избѣгать ее. „Надобно знать, говоритъ онъ въ Пространныхъ Правилахъ (вопр. 44), что братства должны всѣми мѣрами избѣгать бродяжничества, торговли и прибыли, добываемой корчесствомъ³⁾. Обители, закрывающія свои лавки на время богослуженія, арх. Никонъ называетъ хорошими (слѣдовательно другія, своихъ лавокъ на это время не закрывающія, относить къ разряду нехорошихъ?!), а по уставу св. Василія Великаго всѣ монастыри и навсегда должны закрыть свои лавки, что-

¹⁾ 108—109 стр.

²⁾ Октябрь, 203.

³⁾ Migne, P. Gr. XXXI, 1032: „Ἐκεῖνο μέντοι εἰδέναι χρῆ, ὅτι ταῦς περιφρομίζει, καὶ πραγματεῖας, καὶ τὰ καπιλικά, κέρδη, παντὶ τῷπλῳ φρεγίεσθαι τοῖς ἀδελφοῖς, σι“; рус. пер. V, 175.

бы быть настоящими христіанскими обителями. Если же по настоящему времени это невозможно (впрочемъ отчего же?), то слѣдуетъ измѣнить самый способъ торговли, сдѣлавъ ее торговлей безъ малѣйшей прибыли. „Здѣсь мѣсто пустынско, а не купеческо“, „монастырь постникъ, а не купецъ“, такъ разсуждали древнерусские инооки и созерцатели и дѣятели. „Не продавати ти никому, говорится въ древнемъ поученіи частному инооку. А торговли ти ни съ кѣмъ не дѣляти, ни продавати, ни купити, ни у брата что взимати, ни ему давати“¹⁾). Ясно, что монахи древней Руси тверже помнили уставъ св. Василія, чѣмъ современные. Беремъ примѣръ. При воротахъ монастыря идетъ бойкая торговля иконами и крестами, поясами и четками, кустарными произведеніями, вродѣ деревянныхъ ложекъ и проч. и проч. Картина знакомая! Многое изъ того, что здѣсь продается, сработано не въ монастырѣ, а скуплено у кустарей или выписано съ фабрикъ и продается съ барышемъ. Съ точки зренія устава Василія Великаго это корчелство. Другой примѣръ, примѣръ продажи монастыремъ уже своихъ фабрикатовъ косвенно упоминается въ статьяхъ самого арх. Никона и единственно потому мы его касаемся²⁾). Частный иноокъ или монастырь занимается книгоиздательствомъ: въ своей типографіи при помощи наемныхъ рабочихъ печатаетъ сотни тысячъ книжекъ религіозно-нравственного содержанія, по дешовой цѣнѣ продаетъ ихъ. Читаетъ книжки и назидается православный русскій народъ. Почтенное дѣло, заслуживающее похвалы! Вѣдь такъ? Несомнѣнно такъ, если судить помірски, съ утилитарной точки зренія. Но приложимъ къ нему идеальную точку зренія, на которой стоитъ... не арх. Никонъ, а законодатель христіанского монашества. При продажѣ книжекъ или листковъ получается прибыль, ничтожная, скажемъ,—десятая часть полушки съ экземпляра; но въ результатѣ у монастыря или иноока тысячи, десятки тысячъ барыша. *И это тоже корчелство, скверноприбыточество.* Напрасно, забывъ христоподражательное смиреніе, похвалился бы книгоиздатель-иноокъ этой формой своего служенія міру. Получая барышъ, онъ нарушаетъ одно изъ основныхъ требованій монашескаго устава, зани-

¹⁾ *Матеріали для ист. р. церкви.* II, 166.

²⁾ Февраль, 343.

мается самъ и вовлекаетъ монастырь въ не монашеское дѣло. Будучи „въ прелести“, онъ готовъ видѣть въ своемъ служеніи міру благодатное призваніе. Но что же такое мы получаемъ: благодатный призывъ... къ нарушенію устава?— но это нѣчто невозможное; а можетъ быть-нарушеніе устава подъ предлогомъ благодатнаго призванія ¹⁾?

Примѣръ книгоиздательства полезнаго для народа стоитъ у арх. Никона въ подозрительной близости съ упоминаніемъ о служеніи міру о. Амвросія Оптинскаго, какъ примѣры однородные. Но это явленія несравнимы. Что сказали бы объ о. Амвросіи, еслибы онъ, допустимъ, бралъ по копѣйкѣ за совѣтъ?.. А съ другой стороны и книгоиздательство было бы дѣломъ безусловно почтеннымъ, ни малѣйшаго возраженія не вызывающимъ, еслибы оно не было связано съ барышемъ, еслибы напримѣръ монастырь даромъ раздавалъ свои книжки богомольцамъ въ видѣ жертвы, или, не дѣля книжную торговлю статьей дохода, вель бы дѣло такъ, чтобы вырученныя суммы только оправдывали расходы.

Мы кончили оцѣнку идеаловъ арх. Никона съ точки зре-
нія идеаловъ древнерусского подвижничества, которое слѣ-
довало восточному. Къ какому же направленію мы должны
отнести его? къ коренному ли русскому монашеству, дѣя-
тельно служившему міру, или къ созерцательному, въ тео-
ріи отказавшемуся отъ этого служенія? Вполнѣ—ни къ тому
ни къ другому, отчасти — къ тому и къ другому. Взгляды
арх. Никона представляютъ своеобразное соединеніе эле-
ментовъ обоихъ направлений. Съ первымъ его роднитъ при-
знаніе за монастыремъ права накоплять богатства, призна-
ніе, расширенное допущеніемъ частной собственности для
монаховъ и торговыхъ предпріятій для монастырей. Со втор-
ымъ онъ согласенъ въ оцѣнкѣ внѣшней благотворитель-

¹⁾ Правда, египетскіе и другіе подвижники продавали на торгу произведенія своихъ трудовъ, которыми они наполняли свои досуги.—корзины, циновки и проч... Но на своей торговлѣ они не наживали капиталовъ, въ работѣ не помогать имъ электрическій или бензиновый двигатель, а также и наемные руки. Карзины, сплетенные своими руками, они продавали только затѣмъ, чтобы имѣть пасущное про питаніе и не беспокоить мірскихъ людей своимъ попрошайствомъ. Василій Вел. вполнѣ дозволяетъ и только регулируетъ торговлю этого рода (Правиль про странныхъ, вопр. 39, Твор. V, 166).

ности и въ признаніи молитвы единственной задачей инока. Другими словами: достопочтенному о. архимандриту было бы желательно сохранить за собой все права на обладаніе внушними благами міра и освободиться отъ всякихъ внушнихъ обязательствъ по отношенію къ нему. Онъ сильно опасается, какъ бы міръ не сталъ „просто таки эксплуатировать самое монашество въ свою пользу“; но обратного повидимому онъ нисколько не боится.

Прибавимъ нѣсколько замѣчаній по частнымъ пунктамъ полемики.

Не отрицая фактovъ, что многіе подвижники и разными способами служили міру, арх. Никонъ признаетъ однако, что эта дѣятельность ихъ не была сознательной задачей ихъ жизни. Монахъ постригается съ единственнуюю сознательную цѣлью спасать собственную душу. И изъ монаха въ концѣ концовъ выходить не то, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, а то, къ чему приводить его Высшая Десница „ими же вѣсты судьбами“: одинъ неожиданно становится прославленнымъ старцемъ, какъ Амвросій Оптинскій, другой... издателемъ Троицкихъ Листковъ. Отсюда выводъ: „не выходи инокъ „самочинно и самозванно“ на путь общественной дѣятельности¹⁾). Едва ли однако вѣрна эта мысль, будто въ судьбѣ инока сверхъестественное вмѣшательство вытѣсняетъ его личная намѣренія—плодъ природныхъ дарованій и обстоятельствъ жизни. Преп. Сергій, добросердый отъ рожденія, подъ вліяніемъ прочитанныхъ имъ житій подвижниковъ, стремится подражать ихъ подвигамъ человѣколюбія, и онъ становится ищелюбцемъ. Св. Стефанъ Пермскій на родинѣ въ полузырянскомъ Устюгѣ насмотрѣлся на язычниковъ инородцевъ, пріешль къ мысли о просвѣщеніи своего края проповѣдью евангелія и стать апостоломъ зырянъ. Илокъ съ проницательнымъ природнымъ умомъ дѣлается прославленнымъ на всю Русь старцемъ; монахъ, надѣленный коммерческою сметкой,—извѣстнымъ книгоиздателемъ. Благодать Божія несомнѣнно пользуется естественными силами и склонностями, собственными стремленіями и планами инока. Примѣры, приведенные арх. Никономъ нисколько не убѣдительны. Студентъ академіи, принимающій иноческій санъ, чтобы быть потомъ

¹⁾ Февраль, 343—349.

архіереемъ, явленіе крайне отталкивающее. Но почему? Потому, что онъ лицемѣръ утверждая, что ищетъ исключительно трудовъ пастырства, а не выгодъ, съ которыми въ настоящее время связано епископское служеніе. Когда же оно представляло одни труды, лишенія и опасности и не имѣло выгодъ, тогда и оцѣнка явленія была другая. „Кто епископства желаетъ, доброго дѣла желаетъ“, говорить апостоль. Но представьте другого студента, постригающагося съ сознательной цѣлью стать миссионеромъ, не тѣмъ обеспеченнымъ и спокойно проповѣдающимъ христіанство подъ покровомъ русского посольства и можетъ быть дессанта матросовъ, а миссионеромъ, одиноко проникающимъ въ пустыни, чья жизнь полна опасностей и лишений. Едва ли у кого повернется языкъ назвать этого человѣка „лицемѣромъ, а не инокомъ“. Вѣдь и то было бы не хорошо, еслибы монахъ, принимая иночество, возмечталъ быть впослѣдствіи знаменитымъ молитвенникомъ, святымъ и богоугоднымъ. И монахъ долженъ постригаться лишь съ цѣлью *трудиться* для достиженія этого идеала.

Но допустимъ правильность сужденій арх. Никона. Однако изъ нихъ совсѣмъ нельзя дѣлать выводовъ противъ общественной дѣятельности монашества. Мы говорили о служеніи миру не каждого монаха въ отдѣльности, а цѣлыхъ монастырей. Пусть монахъ постригается только затѣмъ, чтобы спасти свою душу, не отдавая себѣ отчета, какимъ именно путемъ. Но пусть тѣ, кому онъ вручаетъ свою волю, взвѣсять, къ чему онъ способенъ и какой путь спасенія для него прямѣе. Пусть монастырское начальство образуетъ изъ наличного состава братіи группу иноковъ, задачею которыхъ служила бы благотворительность монастыря, какъ оно выдѣляетъ группу лицъ для завѣдыванія его хозяйствомъ. Г. Кругловъ говоритъ обѣ общественной дѣятельности монаховъ именно какъ о налагаемомъ на нихъ отъ монастыря особомъ послушаніи. Вѣдь никто же не пдетъ въ монастырь съ цѣлью сдѣлаться его экономомъ или казначеемъ, однако эти послушанія предписаны уставомъ. Еслибы монастыри по собственному почину или хотя бы даже по предписанію власти, но разумѣется не свѣтской, а духовной, поставили для себя цѣлью миссионерство, уходъ за больными или воспитаніе дѣтей, то не было бы ничего дурного и въ томъ,

еслибы въ нихъ шли люди и съ сознательною цѣлью потрудиться на этихъ поприщахъ.

Должно быть чувствуя слабость своей позиціи, арх. Никонъ усиленно ищетъ союзниковъ и совершенно „неожиданнымъ союзникомъ“ провозглашаетъ извѣстнаго публициста В. В. Розанова, сотрудника „Нового Времени“ и „Нового Пути“. Признаемся, союзъ неожиданный во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, здѣсь есть непослѣдовательность со стороны арх. Никона, который самъ черезчуръ строго порицаетъ публицистовъ-иноковъ за союзъ съ мірскими. „Остерегитесь, взывалъ онъ къ Православному иноку, напечатавшему въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ статью о монашествѣ; остерегитесь, вы уже залятнались около гг. Чермаковъ“. Арх. Евдокиму онъ выговариваетъ даже за то, что его мнѣнія напали откликъ и сочувствіе въ упомянутомъ изданіи, что „собрать“ арх. Никона—„инокъ нашелъ себѣ союзниковъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, газетѣ „явно враждебной церкви“. Порицая подобныя газеты, строгой о. архимандритъ не пропустилъ и Нового Времени; съ однимъ и тѣмъ же презрительнымъ негодованіемъ отзывался, какъ о толстовцахъ, такъ и о „господахъ нововременцахъ“¹⁾). Такъ разсуждалъ арх. Никонъ въ январѣ и февралѣ текущаго года. Въ мартѣ же торжественно возвѣщаетъ о своемъ неожиданномъ союзѣ съ однимъ нововременцемъ, помѣстившемъ въ этой газетѣ фельетонъ о созерцательномъ монашествѣ²⁾. В. В. Розановъ получилъ въ арх. Никонѣ горячаго поклонника. „Извѣстный своею оригинальностью мыслитель“, „простое русское сердце, еще чуткое къ восприятію вѣяній исконно-народныхъ началъ, какими жива наша родная Русь“; фельетонъ г. Розанова „прекрасныя строки, которыя недавно вышлились у него“ и т. д., — вотъ какихъ лестныхъ отзывовъ удостоиваетъ своего союзника почтенный о. архимандритъ. Но этотъ союзъ неожиданъ для насъ и съ другой стороны. Ужъ не говоримъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ г. Розанова, въ корнѣ подрывающихъ и аскетизмъ и монашество, но и въ самомъ фельетонѣ, умилившемъ

¹⁾ Январь. 120.

²⁾ Новое Время, 1903 г. январь, 21 и 22.

арх. Никона, читаются „прекрасныя строки“, которыя онъ едва ли раздѣляетъ. Г. Розановъ видитъ въ монашествѣ „такое же прекрасное и народное явленіе, какъ русскіе духовные стихи, какъ наши пословицы и сказки“. Неужели съ марта мѣсяца и арх. Никонъ держится такихъ же воззрѣній? Раньше онъ думалъ иначе. Арх. Никонъ имѣеть въ виду монашество, т. е. аскетизмъ, какъ *официальное учрежденіе церкви*. Б. В. Розановъ пишетъ слѣдующія „золотыя слова“ по выражению его союзника: „аскетизмъ прекрасенъ, но не официальный, не должностной (т. е. не монашество?), а какъ личное биографическое явленіе, цѣломудрено скромное и непритязательное“. Довольно этихъ параллелей. Теперь скажите читатель, если это союзъ, то что же называется войной?

Сылается арх. Никонъ на *сочувственныя письма*, которыя онъ получаетъ во множествѣ. Что же этимъ доказывается? Сочувственныя письма по нынѣшнимъ временамъ получаются всѣ. Получаетъ ихъ безъ сомнѣнія и г. Розановъ, приравнивающій монашество къ сказкамъ, почему жъ не получать ихъ и его „неожиданному союзнику“ арх. Никону? Сочувственныя письма отъ мірянъ и отъ иноковъ получаются и литературные противники арх. Никона по вопросу о монашествѣ, только не кричать объ этомъ, хорошо понимая, что это обстоятельство ровно ничего не доказываетъ при решеніи спорнаго вопроса.

Арх. Никонъ жалуется на тѣ *нападки*, которыми мірскіе, нецерковные люди подвергаютъ монаховъ, упрекая ихъ въ дармоѣдствѣ и прочемъ. Не хотимъ оправдывать этихъ нападковъ, но желаемъ напомнить, что въ нихъ сильно виновато само монашество. На монаховъ міряне нападаютъ также давно, какъ міръ узналъ о монашествѣ. Но древніе подвижники виноватыми въ этомъ признавали главнымъ образомъ свою братію, монаховъ. „И тѣ, которые должны уважать насъ, пишетъ преп. Нилъ Синайскій, смотрять на насъ, какъ на бездѣльную толпу. Люди чиновные и разночинцы смѣются надъ нами больше, чѣмъ надъ толкующимися на рынкахъ, потому что не имѣемъ, какъ слѣдовало бы, никакого отличія передъ прочими, хотимъ быть извѣстными не по жизни, а по одеждѣ. Отъ трудовъ для добродѣтели отказываемся, а славы за оные желаемъ съ нелестствомъ, показывая въ

себѣ одну тѣнь прежней истины¹⁾. „Кизнь монашествующихъ, прежде вождлена и весьма знаменитая, нынѣ, какъ видишь, возбуждаетъ отвращеніе“,—такъ писалъ преп. Нилъ какому-то архимандриту Никону. „Всѣ города и селенія обременяются лжемонахами... Ради нихъ разсужденіе и образъ жизни живущихъ право и добродѣтельно почитаются нынѣ обманомъ и насмѣшкою. И найдется ли теперь какой новый Еремія, который могъ бы вполнѣ и какъ должно оплакать наше положеніе? Стыжусь писать, что-либо больше сего“²⁾.

И мы кончили свой разборъ. Предъ читателемъ раскрыты и разобраны два взгляда на монашество, которыя высказаны въ полемикѣ. Здравый смыслъ и христіанское настроение помогли г. Круглову почти въ точности угадать тѣ формы, въ какихъ выражалась у христіанскихъ подвижниковъ и должно выражаться у современныхъ иноковъ служеніе миру. Арх. Никонъ мыслить совершенно вопреки преданіямъ древнерусского монашства, которое слѣдовало восточному. Онъ даетъ знать своему читателю, что его воззрѣнія покоятся на трехъ незыблемыхъ основаніяхъ: на святоотеческомъ ученіи, на исторіи церкви, на свѣтлыхъ мечтахъ православнаго русскаго народа. Но въ своихъ статьяхъ онъ почти не ссылается на церковные каноны о монашествѣ, на уставы Пахомія и Василія. Святоотеческой (точнѣе подвижнической литературой) пользуется онъ односторонне, выбирая только то, что по вкусу, и обходя остальное. Исторія церкви... Но арх. Никонъ, какъ это видѣлъ самъ читатель, не принимаетъ въ разсчетъ всю исторію древнерусского монашства, включая сюда и исторію своей обители! Свѣтлые мечты народа, говоря проще, народный идеалъ монашства... Но народный идеалъ создается многовѣковой исторіей, а вовсе не досужей фантазіей публициста. *Идеаль святости*, создавшійся у нашего народа,—*Никола Угодникъ*, котораго чтить православная Русь за нищет любіе и милосердіе. Всѣмъ известна народная сказка о свв. Николаѣ и Касьянѣ Римлянинѣ. Николай Чудотворецъ помогъ бѣдному мужику строить засѣвшій въ грязи возъ, а Касьянъ прошелъ мимо—

¹⁾ *Нилъ Синайскій*, Твор. II, 9. Слово подвижническое.

²⁾ *Письмо арх. Никону*. Писемъ Кн. III, 106. Твор. ч. III, 268.

„не захотѣлъ райское платье магатъ“... За это Господь положилъ: Николѣ пѣть молебны дважды въ годъ, а Касьяну одинъ разъ въ четыре года.

Въ ошибкахъ арх. Никона есть еще одно и интересное, и поучительное обстоятельство.

Имя преп. Сергія Радонежскаго близко и дорого каждому русскому. Это самый идеальный изъ подвижниковъ нашей древности. „Такіе люди становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными спутниками, даже путеводителями и цѣлые вѣка благоговѣйно твердятъ ихъ дорогія имена не столько для того, чтобы благодарно почтить ихъ память, сколько для того, чтобы самимъ не забыть правила или завѣщаннаго. Таково имя преп. Сергія: это не только назидательная, отрадная страница нашей исторіи, но и свѣтлая черта нашего нравственнаго народнаго содержанія“¹⁾. Можно ли не согласиться съ этими словами? Правило, завѣщанное преп. Сергиемъ, дорого и близко всякому русскому, инокъ ли онъ или простой мірянинъ. А между тѣмъ изъ современныхъ сужденій о монашествѣ мы видимъ нѣчто обратное и нѣчто неожиданное. Преп. Сергій даетъ заповѣдь служебнымъ чинамъ своего монастыря: благотворить нищимъ, врачевать больныхъ, покоять странныхъ, обѣща за это прощеніе своей обители. А теперь заявляютъ печатно и крайне рѣзко, что эти *самые подвиги вовсе и не обязательны для монаха, что они только подѣлье*—междудѣлье, а въ иныхъ случаяхъ и прямая помѣха настоящему иноческому дѣланію. Говорить же такъ не простой мірянинъ, а современный намъ инокъ. Мало того—инокъ обители преп. Сергія Радонежскаго. Но и этого мало: служебный монастырскій чинъ, къ которому непосредственно и прямо относится заповѣдь человѣколюбія, данная преподобнымъ, который долженъ бы быть и „житіе и дѣяніе“ великаго угодника „написать на сердцѣ своеи“. Своими руками, по непреложной заповѣди величайшаго русскаго святого, онъ долженъ бы раздавать „спасеную милостыню“ братіѣ Христовой у воротъ монастыря. Онъ обязанъ участвовать въ завѣдываніи школами, богадѣльнями и больницами, которыми вмѣсто монастырскихъ гостиницъ, лавокъ

¹⁾ Проф. В. О. Ключевскій, Рѣчь. Бог. Вѣст. 1892, ноябрь 192.

и торговыхъ рядовъ должна бы окружить себя великая лавра. А нашъ „служебный чинъ“ говоритъ объ излишествѣ, чуть не о вредѣ всего этого для монаха.

Недоумѣвъ, какъ могли явиться *критика и отрицаніе* *того, что предписалъ и заповѣдалъ преп. Сергій?* Можетъ быть здѣсь грѣхъ невѣдѣнія: нашъ инокъ не зналъ даннаго факта изъ житія святого? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Онъ самъ нѣкогда писалъ и выпустилъ тремя изданіями популярное житіе этого угодника¹⁾. Можетъ быть, зная и твердо помня заповѣдь подвижника, арх. Никонъ не считаетъ обязательнымъ относиться къ ея содержанію безъ всякихъ „мнѣній“ или безъ критики. Но и этого быть не можетъ. Онъ самъ разсуждаетъ: „отъ того и плохи иноки, что самовольно отступаютъ отъ своихъ завѣтовъ и уставовъ. Въ сихъ завѣтахъ и преданіяхъ православнаго иночества кроется та великая благодатная сила, которая воспитывала“ и т. д., и т. д.; или, принимая тонъ наставника, онъ внушаетъ о. Евдокиму: „нѣть о. архимандритъ, надо крѣпче держаться преданій отеческихъ особенно въ наше лъстивое время, когда врагъ всеми мѣрами и т. д., и т. д.²⁾. Стало быть и это объясненіе не годится. Какъ бы то ни было, но мы видимъ въ данномъ случаѣ чрезвычайно легкое отношеніе къ прямой заповѣди основателя монастыря со стороны его инока, отношеніе совсѣмъ не монашеское. „Заповѣдь заключаетъ въ себѣ обязательную силу“. Сила ея равна „догматическимъ постановленіямъ“ и изреченіямъ отцовъ, сказанныхъ въ видѣ опредѣленій³⁾. Время не имѣеть ни малѣйшей силы надъ этой заповѣдью. Дана ли она вчера или слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ, это безразлично: „заповѣдь заключаетъ въ себѣ обязательную силу“ на всѣ времена, пока стоитъ получившій ее монастырь, пока онъ носитъ великое имя святого основателя, „пока не затворятся ворота лавры“.

¹⁾ *Житіе и подвиги преп. Сергія, игумена Радонежскаго*, изд. 3-ье Серг. Лавр. 1898. Заповѣдь преп. Сергія излагается здѣсь на стр. 136, впрочемъ неполно и недостаточно точно: „А нищіе и странники и болящи подолгу въ ней отдыхали, пользуясь полнымъ довольствомъ и покоемъ по заповѣди старца“.

²⁾ Октябрь 205; февраль 351.

³⁾ *Варсануфія и Іоанна*, Руковод. къ дух. жизни. Вопр. 248, и 249, стр. 249—250.

прец. Сергія и не погаснуть лампады надъ его гробницей". Но зачѣмъ же послѣ всего того обращаются они къ угоднику, повторяя трогательныя слова древней молитвы: „Не мнимъ бо тя суща мертвa, аще и тѣломъ преставися отъ насъ, но и по смерти убо живъ пребываеши"? Зачѣмъ такъ молятся они устами своими? Умеръ для нихъ преп. Сергій; забыты его преданія; сомнѣнію, критикѣ подвергнуто содержаніе его великой заповѣди. Лучше какъ можно усерднѣе пусть твердятъ они дальнѣйшія слова молитвы: „Но не отступи отъ насъ духомъ; сохраняй насъ отъ стрѣль вражіихъ и всякия прелести бѣсовскія и козней діавольскихъ".

„Не отступи отъ насъ духомъ!"

Въ заключеніи приведемъ два безобидныхъ назиданія арх. Никону. Первое принадлежитъ ему самому. „Нѣтъ, о. архимандритъ, поучалъ онъ о. Евдокима, надо крѣпче держаться преданій отеческихъ, особенно въ наше лъстивое время, когда врагъ всѣми мѣрами" и т. д., и т. д. Второе назиданіе пусть благоволить онъ выслушать отъ митрополита Филарета. „Житіе монашеское должно быть благоустроено на незыблемомъ основаніи слова Божія, при пособіи наставлений и примѣровъ святыхъ отецъ: ибо только на семъ основаніи зданіе духовной жизни и спасенія воздвигается прочно и благонадежно; а что строится на пескѣ помысловъ и желаній человѣческихъ, то не твердо и угрожаетъ паденіемъ величимъ"¹).

C. Смирновъ.

¹⁾ Митр. Филарета, Правила благоустройства монашескихъ братствъ въ Москвѣ, § 1.